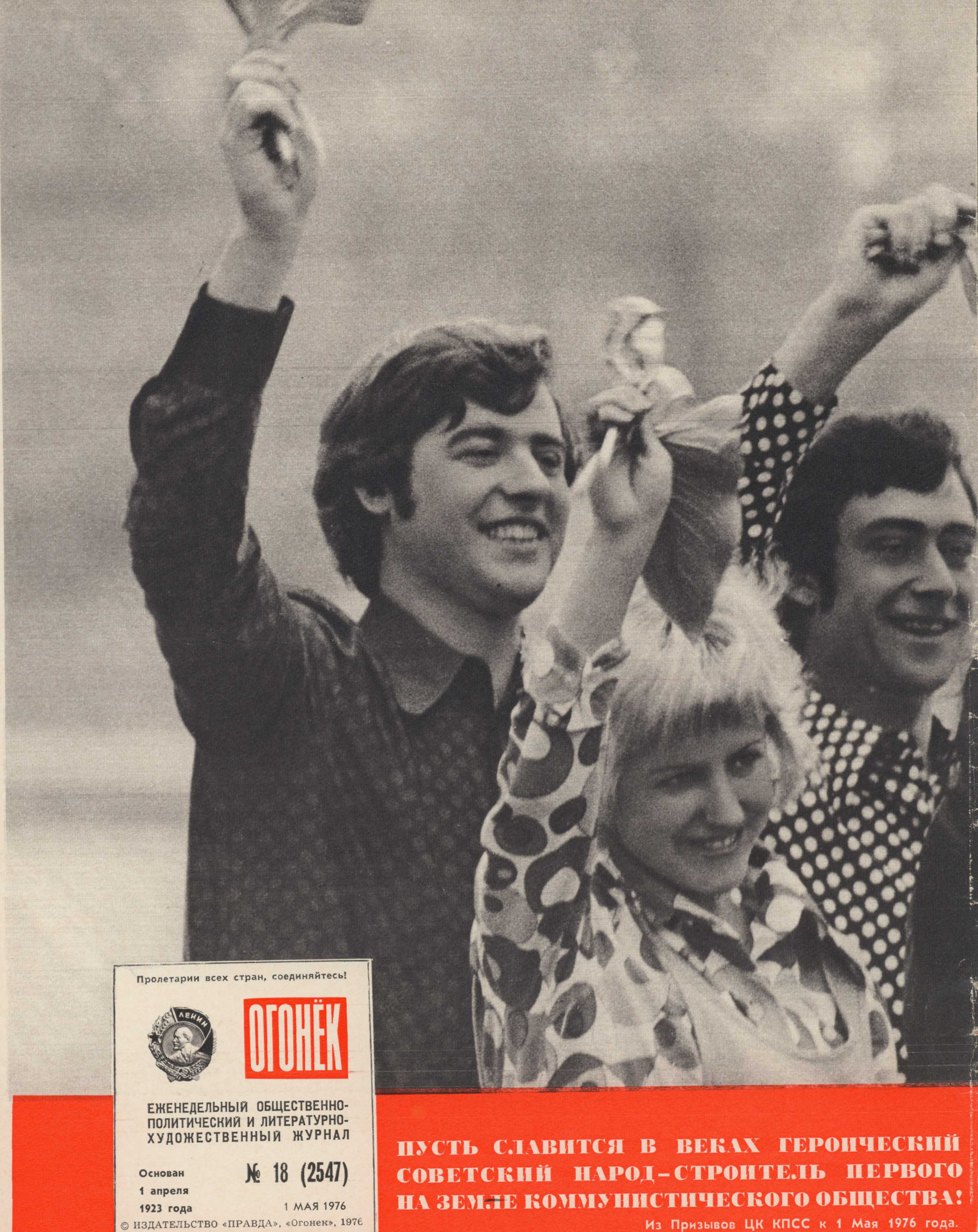

С ПРАЗДНИКОМ,
ДОРОГИЕ
ТОВАРИЩИ!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 18 МАЙ 1976

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (2547)

1 МАЯ 1976

ПУСТЬ СЛАВИТСЯ В ВЕКАХ ГЕРОИЧЕСКИЙ СОВЕТСКИЙ НАРОД – СТРОИТЕЛЬ ПЕРВОГО НА ЗЕМЛЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1976 года.

См. на стр. 10
репортаж
«Утро Первомайска»

Москва, 22 апреля 1976 года. Кремлевский Дворец съездов. Президиум торжественного заседания, посвященного 106-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Фото А. Гостева.

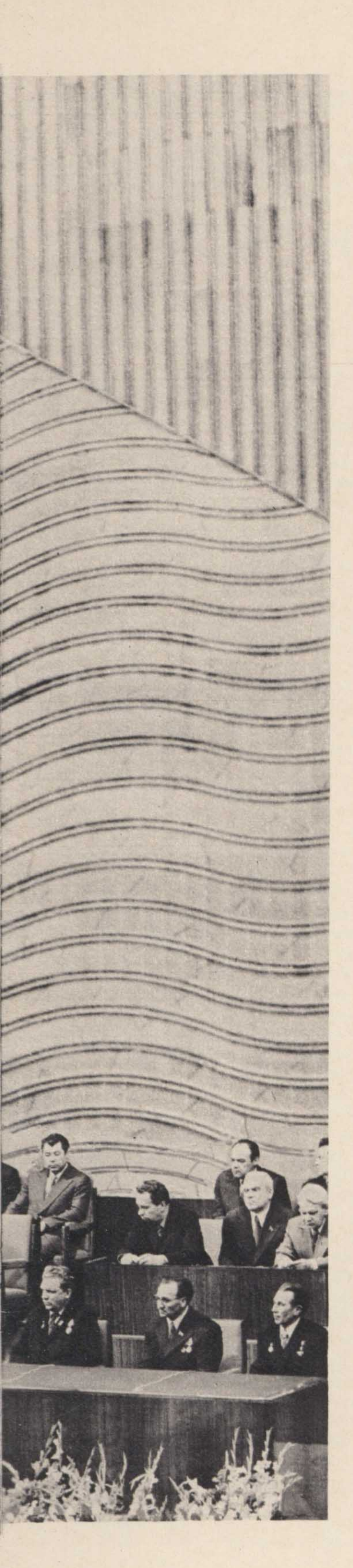
ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКИХ

День рождения Владимира Ильича Ленина — большой интернациональный праздник, знаменующий торжество коммунистических идей. Наш народ и все прогрессивное человечество отметили 106-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина, создателя Коммунистической партии Советского Союза и первого в мире Советского социалистического государства.

22 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное знаменательной дате.

Бурными, продолжительными аплодисментами участники заседания встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, Н. В. Подгорного, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, К. Ф. Катушева, М. В. Зимянина, К. У. Черненко.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

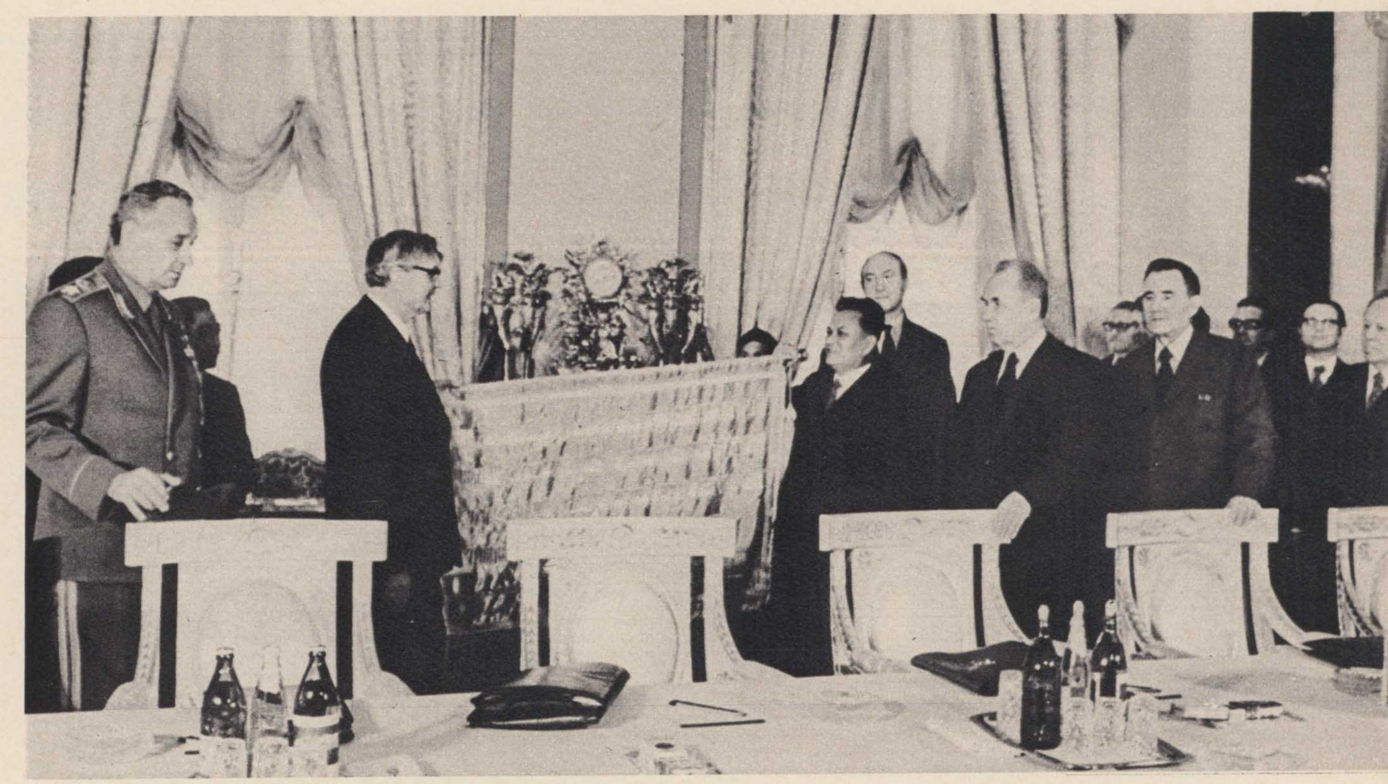

ИДЕЙ

С докладом «Ленинизм — наука и искусство революционного творчества» выступил член Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов.

Доклад был выслушан с большим вниманием и неоднократно прерывался аплодисментами.

Товарищ К. Фомвихан вручает советским руководителям памятное знамя в знак признательности НРПЛ и лаосского народа КПСС и советскому народу.

Фото А. Гостева.

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

21 апреля в Кремле завершились советско-лаосские переговоры. Их вели:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР А. А. Гречко, член ЦК КПСС, министр внешней торговли Н. С. Патоличев, член ЦК КПСС, председатель ГКЭС С. А. Скачков;

с лаосской стороны — делегация Народно-революционной партии и правительства Лаосской Народно-Демократической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК НРПЛ, Премьер-Министром ЛНДР Кейсоном Фомвиханом.

Состоялся обмен мнениями о дальнейшем укреплении уз братской дружбы и солидарности между Коммунистической партией Советского Союза и Народно-революционной партией Лаоса и развитии советско-лаосского сотрудничества в различных областях, а также о международном положении.

Переговоры проходили в атмосфере сердечности и братской дружбы.

22 апреля в Большом Кремлевском дворце член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Генеральный секретарь ЦК НРПЛ, Премьер-Министр ЛНДР К. Фомвихан подписали совместное советско-лаосское заявление.

Были подписаны также соглашение о культурном и научном сотрудничестве, договор о торговле между СССР и ЛНДР и соглашение о товарообороте и платежах, протокол между правительством СССР и правительством ЛНДР об оказании содействия Лаосу в создании государственной геологической службы.

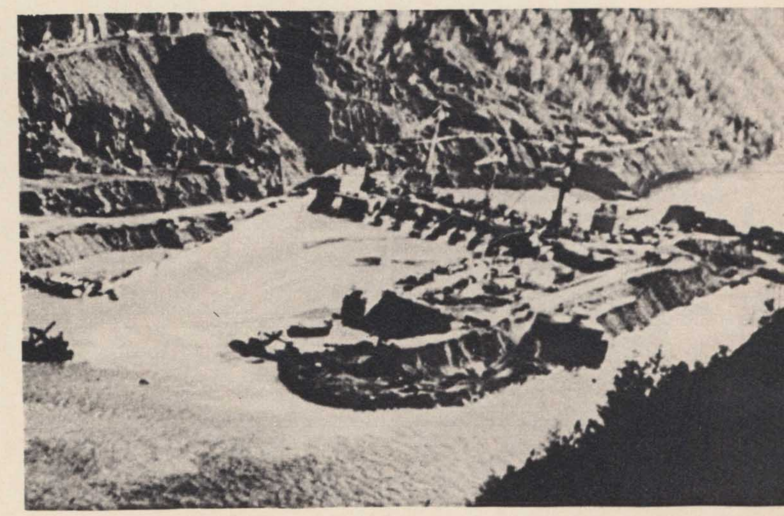
ХОРОШИЙ СТАРТ

В печати опубликовано сообщение Центрального статистического управления СССР об итогах работы нашей промышленности в первом квартале нынешнего года. Хороший старт десятой пятилетки! Реализовано сверхплановой продукции более чем на два миллиарда рублей. Пять процентов — таков прирост промышленного производства в сравнении с тем же периодом прошлого года. Все республики выполнили квартальные задания. Ведущие отрасли индустрии — машиностроение, приборостроение, энергетика, станкостроение, газовая промышленность — развиваются опережающими темпами.

Все это свидетельствует, что советские люди побоевому взялись за осуществление грандиозных задач, поставленных XXV съездом КПСС перед народом.

Однако сообщение ЦСУ говорит и о недочетах, которые нашей промышленности еще предстоит преодолеть, чтобы успешно выполнить задания десятой пятилетки.

Большими трудовыми свершениями отметили трудящиеся день Всесоюзного ленинского коммунистического субботника. Рекордные показатели, достигнутые 17 апреля, должны стать образцом для труда повседневного, будничного.

На стройке крупнейшей в мире Саяно-Шушенской ГЭС.

Фото Ю. Бармина и А. Кузярина (ТАСС).

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
Андрей Антонович ГРЕЧКО

26 апреля 1976 года на 73-м году жизни скоропостижно скончался член Политбюро ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Советского Союза, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Гречко Андрей Антонович.

В лице А. А. Гречко советский народ, воины армии и флота потеряли видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, одного из активных строителей Вооруженных Сил СССР, выдающегося советского полководца, прославленного героя Великой Отечественной войны, посвятившего всю свою жизнь делу укрепления оборонного могущества и защиты социалистического государства, верного сына Коммунистической партии, членом которой он состоял с 1928 года.

А. А. Гречко родился в 1903 году в деревне Голодаевка (ныне Куйбышево) Ростовской области в семье крестьянина. Шестнадцатилетним юношей добровольно вступил в Красную Армию и мужественно сражался с врагами Советской власти. С тех пор его жизнь неразрывно связана с Вооруженными Силами Советского государства, в рядах которых путь он прошел славный боевой путь от красноармейца до Маршала Советского Союза.

После гражданской войны А. А. Гречко был направлен на курсы красных командиров. По окончании курсов он проходил службу на различных командных должностях. В 1936 году успешно закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, а в 1941 году — Военную академию Генерального штаба.

В Великую Отечественную войну А. А. Гречко вступает всесторонне подготовленным командиром, обладающим глубокими знаниями военного дела. Вначале он командовал кавалерийской дивизией и корпусом. В апреле 1942 года был назначен командующим армией. С особой силой раскрылись выдающиеся организаторские способности и полководческий талант А. А. Гречко в героической битве за Кавказ. Руководимые им войска проявили стойкость и мужество, нанесли сокрушительные удары по врагу.

Дальнейший боевой путь А. А. Гречко непосредственно связан с наступательными действиями советских войск на Украине и за пределами нашей страны. Будучи заместителем командующего 1-м Украинским фронтом, он принимал активное участие в освобождении Киева. В декабре 1943 года А. А. Гречко вступил в командование 1-й гвардейской армией, которую возглавлял до конца войны. Яркие страницы его полководческой деятельности связаны с боевыми действиями армии в сражениях на Правобережной Украине, при штурме Карпат, освобождении Польши и Чехословакии. Во всех операциях, которыми руководил А. А. Гречко, неизменно проявлялись смелость его замыслов, непреклонная воля к их осуществлению, личная храбрость.

В послевоенное время А. А. Гречко занимал ряд ответственных постов в Советских Вооруженных Силах, был командующим войсками Киевского военного округа, главнокомандующим Группой советских войск в Германии, главнокомандующим Сухопутными войсками, главнокомандующим Объединенными вооруженными силами стран — участниц Варшавского Договора и первым заместителем министра обороны СССР. В апреле 1967 года он был назначен министром обороны СССР и до конца своей жизни находился на этом ответственном государственном посту.

А. А. Гречко твердо и умело проводил в жизнь линию партии по неуклонному укреплению оборонного могущества Советского государства. Он внес большой вклад в совершенствование организации и вооружения армии и флота, в обучение и воспитание личного состава, в развитие советской военно-теоретической мысли. Он проявлял неустанную заботу об укреплении боевого содружества Советских Вооруженных Сил с армиями братских социалистических стран.

Маршала Советского Союза А. А. Гречко отличали высокие партийные качества, требовательность и принципиальность, чуткость и забота о людях. Беззаветным и самоотверженным служением нашей Родине, делу Коммунистической партии он снискал глубокое уважение трудящихся, воинов Вооруженных Сил.

А. А. Гречко активно участвовал в партийной и общественно-политической жизни. Он был делегатом ряда партийных съездов, неоднократно избирался в состав ЦК КПСС. С апреля 1973 года А. А. Гречко — член Политбюро ЦК КПСС. Он являлся депутатом Верховного Совета СССР начиная со 2-го созыва.

За выдающиеся заслуги перед Родиной А. А. Гречко дважды присвоено звание Героя Советского Союза. Он награжден шестью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, двумя орденами Кутузова I степени, орденом Богдана Хмельницкого I степени, орденом Суворова II степени и медалями. Заслуги А. А. Гречко отмечены также многими орденами и медалями социалистических и других государств.

Светлая память об Андрее Антоновиче Гречко, нашем боевом друге и товарище, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, пламенном патриоте социалистической Родины, навсегда сохранится в наших сердцах.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, Г. Ф. Сизов, Л. В. Смирнов, И. И. Якубовский, В. Г. Куликов, А. А. Епишев, С. А. Афанасьев, Б. П. Бугаев, П. В. Дементьев, С. А. Зверев, Е. П. Славский, Н. А. Щелоков, С. Л. Соколов, В. Ф. Толубко, И. Г. Павловский, П. Ф. Батицкий, П. С. Кутахов, С. Г. Горшков, К. С. Москаленко, С. К. Куркоткин, М. П. Георгадзе, Н. И. Савинкин, Н. В. Огарков, Н. Н. Алексеев, А. Т. Алтунин, А. В. Геловани, И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, П. К. Кошевой, В. И. Чуйков, И. А. Бондаренко, И. Н. Шкадов, М. М. Козлов, Г. В. Средин, Е. Ф. Ивановский, В. Л. Говоров, А. И. Грибков, И. М. Третьяк, В. И. Петров, И. А. Герасимов, А. М. Майоров, В. И. Варенников, И. М. Волошин, Д. И. Литовцев, П. В. Мельников, С. Е. Белоножко, Н. Г. Лященко, П. А. Белик, Н. К. Сильченко, М. Г. Хомуло, Ф. Ф. Кривда, О. Ф. Кулишев, И. И. Тенищев, П. Г. Лушев, Б. В. Бочков, А. У. Константинов, А. М. Косов, Г. М. Егоров, В. П. Маслов, Н. И. Ховрин, П. И. Батов, П. И. Ефимов.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР

О ПРИСУЖДЕНИИ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ 1976 ГОДА В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев представление Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР, постановляют присудить Ленинские премии 1976 года:

1. **Чарахчьяну** Агаси Назаретовичу, доктору физико-математических наук, старшему научному сотруднику Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР, руководителю работы, **Базилевской** Галине Александровне, **Стожкову** Юрию Ивановичу, кандидатам физико-математических наук, старшим научным сотрудникам того же института, **Чарахчьян** Таисии Никаноровне, доктору физико-математических наук, заведующей сектором Научно-исследовательского института ядерной физики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,— за стратосферные исследования вспышек космических лучей на Солнце и процессов солнечной модуляции галактических космических лучей.

2. **Красовскому** Николаю Николаевичу, академику, директору Института математики и механики Уральского научного центра Академии наук СССР, руководителю работы, **Куржанскому** Александру Борисовичу, **Осипову** Юрию Сергеевичу, докторам физико-математических наук, заведующим лабораториями, **Субботину** Андрею Измаиловичу, доктору физико-математических наук, старшему научному сотруднику, работникам того же института,— за цикл работ по математической теории управляемых систем.

3. **Семенову** Николаю Николаевичу, академику, директору Института химической физики Академии наук СССР,— за работы в области кинетики сложных химических реакций.

4. **Соболеву** Владимиру Степановичу, академику, заместителю директора Института геологии и геофизики Сибирского отделения Академии наук СССР, руководителю работы, **Добрецову** Николаю Леонтьевичу, **Соболеву** Николаю Владимировичу, докторам геолого-минералогических наук, заведующим лабораториями, **Ревердатто** Владимиру Викторовичу, доктору геолого-минералогических наук, **Хлестову** Владимиру Васильевичу, кандидату геолого-минералогических наук, старшим научным сотрудникам, работникам того же института,— за цикл работ по фациям метаморфизма.

5. **Спирину** Александру Сергеевичу, академику, директору Института белка Академии наук СССР, **Георгиеву** Георгию Павловичу, члену-корреспонденту Академии наук СССР, заведующему лабораторией Института молекулярной биологии Академии наук СССР, руководителям работы, **Самариной** Ольге Петровне, доктору биологических наук, старшему научному сотруднику Института молекулярной биологии Академии наук СССР, **Айтхожину** Мурату Абеновичу, кандидату биологических наук, заведующему лабораторией Института ботаники Академии наук Казахской ССР, **Белициной** Надежде Васильевне, кандидату биологических наук, старшему научному сотруднику Института биохимии имени А. Н. Баха Академии наук СССР, **Овчинникову** Льву Павловичу, кандидату биологических наук, старшему научному сотруднику Института белка Академии наук СССР,— за цикл работ по открытию и изучению информосом — нового класса внутриклеточных частиц.

6. **Рыбакову** Борису Александровичу, академику, директору Института археологии Академии наук СССР,— за цикл работ по истории русской культуры X—XVI веков, опубликованных в 1963—1974 годах.

7. **Аничкову** Сергею Викторовичу, действительному члену Академии медицинских наук СССР, заведующему отделом Научно-исследовательского института экспериментальной медицины Академии медицинских наук СССР, **Закусову** Василию Васильевичу, действительному члену Академии медицинских наук СССР, директору Научно-исследовательского института фармакологии Академии медицинских наук СССР,— за цикл исследований по синаптическому действию физиологически активных веществ.

8. **Бураковскому** Владимиру Ивановичу, члену-корреспонденту Академии медицинских наук СССР, директору Института сердечно-сосудистой хирургии имени академика А. Н. Бакулева Академии медицинских наук СССР, **Бокерии** Леониду Антоновичу, доктору медицинских наук, руководителю лаборатории, **Бухарину** Виталию Алексеевичу, доктору медицинских наук, руководителю отделения, сотрудникам того же института,— за цикл исследований в области гипербарической оксигенации и внедрение этого метода в хирургию сердца.

9. **Аржанову** Феликсу Григорьевичу, кандидату технических наук, главному инженеру Главного Тюменского производственного управления по нефтяной и газовой промышленности, **Грайферу** Валерию Исааковичу, кандидату технических наук, бывшему главному инженеру объединения «Татнефть», **Карибскому** Валентину Владимировичу, кандидату технических наук, заместителю министра приборостроения, средств автоматизации и систем управления, **Синельникову** Александру Васильевичу, кандидату технических наук, директору Всесоюзного научно-исследовательского и проектно-конструкторского института комплексной автоматизации нефтяной и газовой промышленности, **Гайнутдинову** Ревгату Саляховичу, начальнику отдела Татарского научно-исследовательского и проектно-конструкторского института нефтяного машиностроения, **Шашину** Валентину Дмитриевичу, министру нефтяной промышленности,— за перевооружение нефтедобывающего производства на основе новых научно-технических решений и комплексной автоматизации, обеспечившее высокие темпы роста добычи нефти.

10. **Бабенко** Василию Тихоновичу, кандидату технических наук, главному инженеру Государственного научно-исследовательского и проектного института металлургической промышленности «Гипросталь», **Манохину** Анатолию Ивановичу, доктору технических наук, генеральному директору научно-производственного объединения «Тулачермет», **Шишханову** Тамерлану Сосланбековичу, кандидату технических наук, главному специалисту того же объединения, **Лякишеву** Николаю Павловичу, доктору технических наук, заместителю директора Центрального научно-исследовательского института черной металлургии имени И. П. Бардина, **Слотвинскому-Сидаку** Николаю Петровичу, кандидату технических наук, старшему научному сотруднику того же института, **Морозову** Александру Николаевичу, доктору технических наук, директору научно-исследовательского института металлургии,— за создание промышленного комплекса переработки ванадиевых шлаков на базе новой технологии, обеспечивающей высокую степень извлечения ванадия и исключающей загрязнение воздушной и водной сред.

Секретарь Центрального Комитета КПСС
Л. БРЕЖНЕВ

Председатель Совета Министров СССР
А. КОСЫГИН

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР

О ПРИСУЖДЕНИИ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ 1976 ГОДА В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев предложение Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, постановляют присудить Ленинские премии 1976 года:

1. **Авижюсу** Йонасу Казису, заслуженному деятелю культуры Литовской ССР, писателю,— за роман «Потерянный кров».

2. **Андроникову** Ираклию Луарсабовичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР и Грузинской ССР,— за телевизионные фильмы последних лет: «Воспоминания о Большом зале», «Концерт в Ленинградской филармонии», «Слово Андроникова».

3. **Маркову** Георгию Мокеевичу, Герою Социалистического Труда, писателю, — за роман «Сибирь».

4. **Образцовой** Елене Васильевне, народной артистке РСФСР,— за концертные программы 1973—1974 гг. и исполнение партий в операх «Семен Котко», «Кармен», «Трубадур» в Государственном академическом Большом театре Союза ССР.

5. **Церетели** Зурабу Константиновичу, заслуженному художнику Грузинской ССР,— за пространственно-декоративное решение детской зоны курортного городка в Адлере (премия за произведения литературы и искусства для детей).

6. **Шукшину** Василию Макаровичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР (посмертно),— за творческие достижения последних лет в киноискусстве.

Секретарь Центрального Комитета КПСС
Л. БРЕЖНЕВ

Председатель Совета Министров СССР
А. КОСЫГИН

1

3

4

56 лет назад, 1 мая 1920 года, в день субботника, Владимир Ильич Ленин побывал в самых разных концах столицы. Московское городское бюро экскурсий рассказывает москвичам и гостям столицы об этом дне Владимира Ильича, о том, как провел он Первомай 1920-го. «Это один из самых популярных маршрутов»,— сказали нам в дирекции бюро.

1 МАЯ

2

1 ...Он начинался тут, в Кремле, на субботнике.

2 Отсюда хорошо видна площадь, на которой 1 мая 1920 года работал Владимир Ильич.

3 Здесь, на тогдашней Театральной площади, 1 мая 1920 года был заложен памятник Карлу Марксу.

4 Замоскворечье. В вестибюле института имени Плеханова. В прошлом это был коммерческий институт, тут В. И. Ленин выступал 1 мая 1920 года.

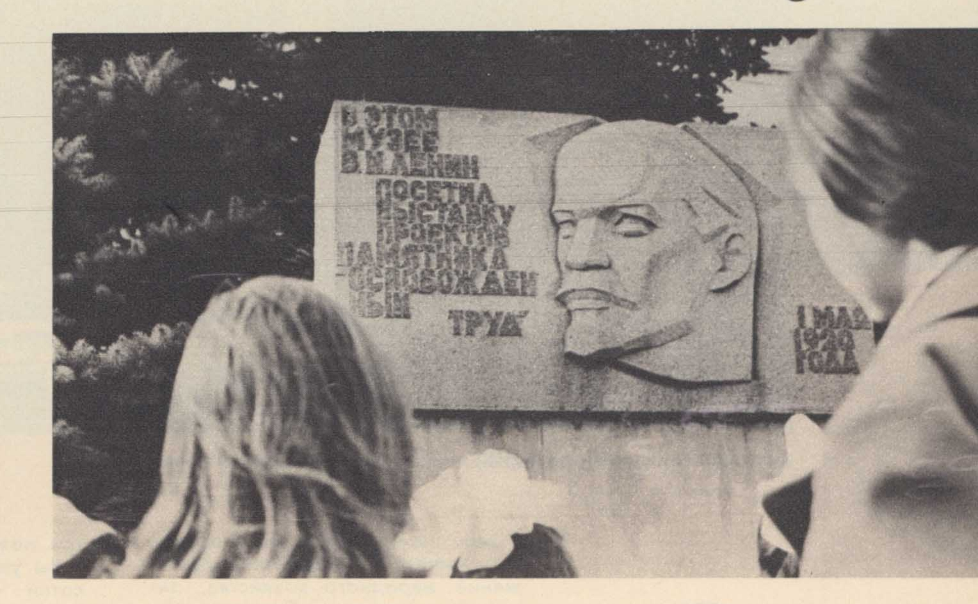
5 1 мая 1920 года. Красная Пресня. На месте прежнего неказистого здания, принадлежавшего Прохоровской мануфактуре,— Дом культуры знаменитой «Трехгорки».

6 Музей изобразительных искусств. Здесь 1 мая 1920 года В. И. Ленин осмотрел выставку проектов памятника Освобожденному труду.

5

6

1920 ГОДА

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

1 МАЯ 1920 ГОДА

Утром Владимир Ильич был в Кремле. В девять часов он подошел к строю курсантов, собравшихся на первомайский субботник, и попросил разрешения присоединиться. Произошло секундное радостное замешательство. А вскоре работа уже шла вовсю. Носили тяжелые дубовые кряжи, убирали кремлевскую территорию. Минут за 20—30 до окончания субботника Ленин попросил разрешения уйти. Снял кепку, вытер потный лоб, затем тщательно отряхнул пропылившуюся рабочую одежду и заторопился домой — переодеться. Надо было успеть на Театральную площадь, на закладку памятника Карлу Марксу.

...Экскурсанты как бы переносятся в тот день; его в деталях воскрешает рассказ экскурсовода.

«Известия ВЦИК» сообщали тогда: «В. И. Ленин обратился к присутствующим с краткой, но сильной речью».

— ...И я уверен, что памятник, закладываемый нами великому учителю, послужит призывом к тому, чтобы все ваше внимание было обращено на необходимость долго трудиться, чтобы создать то общество, при котором не будет места эксплуатации.

Владимиру Ильичу передали тонкий металлический свиток — протокол закладки. Он расписался на нем заостренным штихелем.

А в это время неподалеку, на Пречистенской набережной, Ленина уже ждали люди, пришедшие на закладку памятника Освобожденному труду.

...Кто-то завел песню, ее подхватили десятки голосов. И рабочие не сразу заметили Владимира Ильича. А когда увидели и хотели было прервать пение, Ленин протестующе протянул руку: пожалуйста, продолжайте.

— Эх, гармонь бы сейчас,— сказал один из рабочих...

...Владимир Ильич уже шел к трибуне.

«При дружных аплодисментах всех присутствующих на трибуне появляется товарищ Ленин»,— писала «Правда» 4 мая 1920 года.

— Товарищи! На этом месте прежде стоял памятник царю, а теперь мы совершаем здесь закладку памятника освобожденному труду,— сказал он.

56 лет прошло с той поры. Но словно стерлась грань времен, и мы шагнули в то первое мая, когда Ленин приехал сюда, на нынешнюю Кропоткинскую набережную, где в три часа дня состоялась закладка памятника Освобожденному труду.

Мы вместе с экскурсантами идем на Волхонку, в Музей изобразительных искусств; тогда в этом здании разместили эскизы памятника Освобожденному труду.

Ленин, Луначарский, Коненков знакомились с выставленными работами. Когда Ленина попросили высказать свое мнение об эскизах, Владимир Ильич ответил: «Я тут ничего не понимаю, спросите Луначарского».

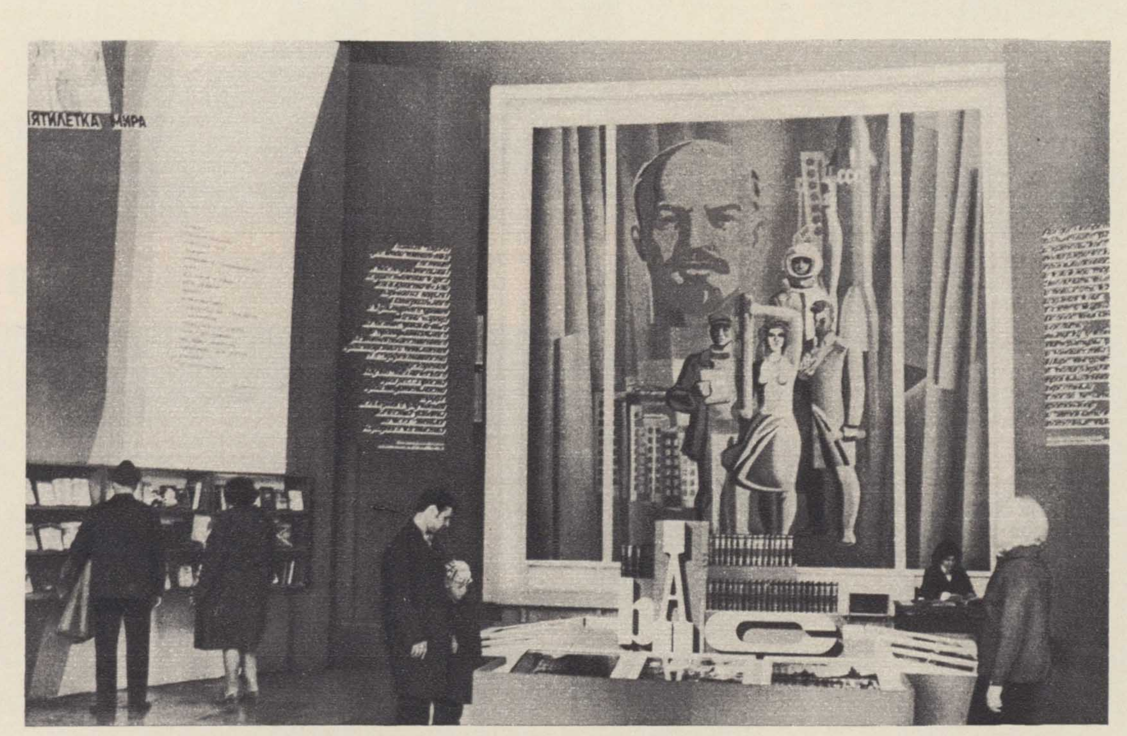
— На мое заявление,— вспоминал позже А. В. Луначарский,— что я не вижу ни одного достойного памятника, он очень обрадовался и сказал мне: «А я думал, что вы поставите какое-нибудь футуристическое чучело».

Затем Владимир Ильич приехал на открытие Рабочего дворца имени Загорского в Благуше-Лефортовском районе и выступил там с речью.

В этот день Ленин выступал на митингах рабочих Бауманского и Замоскворецкого районов. И уже под вечер побывал у рабочих Прохоровской мануфактуры, на знаменитой Красной Пресне,— выступил на митинге. Сейчас здесь Дом культуры Трехгорной мануфактуры.

...Один день в жизни В. И. Ленина. Один московский день. Майский. Праздничный. Трудовой.

ВДНХ. ПАВИЛЬОН ПЕЧАТИ

Этот снимок сделан на ВДНХ, в павильоне «Советская печать».

Фото А. Гостева

Если пятого мая, в День печати, вы окажетесь на Выставке достижений народного хозяйства, загляните в павильон «Советская печать» — вам здесь будут рады. И покажут то, что в другом месте, если вы не журналист, едва ли увидите. Вам раскроют некоторые «секреты» журналистики, вы сможете прочитать самые свежие телеграммы, которые тут же, в зале, отстукивает телетайп (прямая линия ТАСС — «Советская печать»); те самые новости, что завтра появятся во многих газетах...

Вы увидите десятки журналов и сотни газет — сейчас в нашей стране нет такого места, где не выходила бы своя газета — республиканская, городская, районная, многотиражная. Вот они, отчеты газетчиков: альбомы и проспекты «Московской правды» и «Волжской коммуны», «Березниковского рабочего» и «Советской Эстонии», латвийской «Цини», ижевской многотиражки «Металлург» и одной из старейших газет страны, «Северной правды», первым редактором которой был член партии с 1893 года, верный ленинец Александр Митрофанович Стопани. Первый номер этой костромской областной газеты вышел в январе 1907 года — значит, скоро 70-летие.

...Мы идем по павильону с его директором Аллой Сергеевной Косициной.

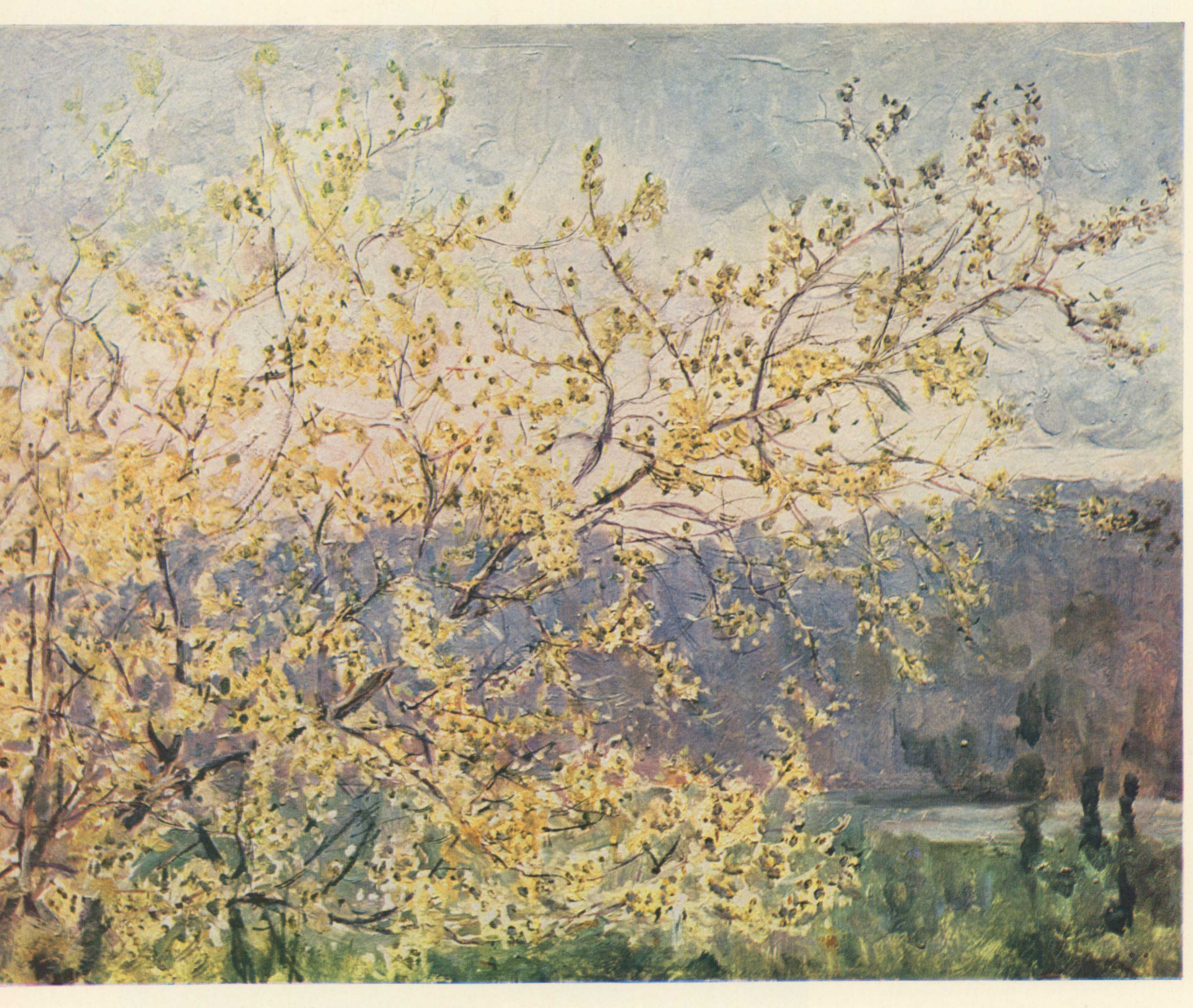
— Ко Дню печати готовятся новые экспозиции,— говорит она.— Расскажем о некоторых коллективах из числа тех, что удостоены чести быть занесенными на Всесоюзную Доску почета. Это типография «Детская книга», ленинградское объединение книжной торговли «Ленкнига». Ну, а Политиздат уже развернул свою экспозицию — более 400 книг. Особое место тут занимает волнующий рассказ о XXV съезде партии, его материалы и решения.

Есть и еще одна новинка, которую готовят здесь. Когда я был в павильоне, сюда приехали товарищи из Ростовского областного музея краеведения. Привезли обширный материал о М. А. Шолохове. «Сын тихого Дона» — так назван рассказ о выдающемся нашем писателе, Герое Социалистического Труда, лауреате Ленинской и Нобелевской премий. Здесь же и шолоховское факсимиле: «Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше...»

К. КОСТИН

И. Клычев. Род. 1923. ОТ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА.

Н. Ромадин. Род. 1903. ЦВЕТУЩАЯ ВЕТКА.

И ТРУД И ВДОХНОВЕНЬЕ

Бор. ЛЕОНОВ

Это произошло в Германии первой послевоенной весной 1946 года. Солдат с душой землепашца и поэта застыл в изумлении перед необычной картиной, открывшейся его взору. Люди копали землю и бросали ее на решетки, похожие на сита. Просеивали ее. И на решетке оставались зерна... свинца, зловещие зерна войны. Здесь когда-то находилось стрельбище школы, заканчивая которую солдаты гитлеровского вермахта отправлялись на кровавую бойню. Пришел мир, но свинец оказался кому-то нужен для нового смертного посева... Тревожная тишина над бывшим стрельбищем отдавалась глухими выстрелами в сердце...

Но жизнь взяла свое. Снята шинель, солдат вернулся домой, закончил Литературный институт. Поразившая когда-то картина на время забылась, но не ушла из памяти. Напротив, он часто вспоминал ее, когда вслушивался в тревожные сообщения о взрывах в разных районах земли, цинично называемых империалистами испытательными полигонами для новых видов оружия, когда слышал о гибели женщин и детей, о факельных шествиях орущих про реванш бывших гитлеровцев. И родились чеканные, горькие строки:

Пустырь.
Могильная тоска,
Хотя здесь нет могил.

С них началась работа над поэмой «Суд памяти», которая принесла ее автору — Егору Исаеву — не только всесоюзную известность, но и утвердила его имя в современной поэзии как большого и самобытного художника.

В поэме «Суд памяти» Егор Исаев сумел сочетать тонкую поэтичность с серьезным, глубоким отношением к бытию. Рассказ о трех судьбах — Курта, Ганса и Германа Хорста — вырастает в философское осмысление трагедии немецкого народа, в публицистически страстное слово о жизни, и в то же время все в этом произведении исполнено высокого вдохновения, где строгая выверенность слов сочетается с емкостью их духовного наполнения. Автор достиг той естественности и простоты, которые способны передать необъятную сложность задуманного повествования о прожитом и пережитом человечеством и человеком в тяжелейшие годы истории. Зримым и выразительным рефреном проходит через всю поэму сравнение времени «на башенных часах и на карманных».

Истинное в искусстве рождается жизнью, по такому искусству мы всегда можем «восстановить» жизнь. И, в частности, вместе с художником вернуться в ту весну 1946 года, на тот самый пустырь, где:

...только гильзовая жесть —
Вразброс,
Не сосчитать.
Не счесть и тех парней,
Что здесь
Учились убивать.
Их было много,
Молодых,
В шинелях и в броне.
Вели,
Развертывали их
В тот год — лицом к войне.
Курки — на взвод.
Полки — на старт,
Готовые к броску...

Сопоставляя эти строки с прямым рассказом Егора Исаева об испытанных им, воронежским парнем в краснозвездной пилотке, чувствах на стрельбище, начинаешь понимать, что обусловило такую проницательную жизненность поэмы. Ее писал боец, патриот и интернационалист, писал, яростно ненавидя тех, кто на рассвете 22 июня 1941 года перенес свой кованый сапог через рубеж нашей Родины. Писал солдат, в судьбе которого ожила память поколения, а в ней — память народная.

Эта она говорила поэту, что, кроме Германии, породившей чудовищ XX века — Гитлера и его клику, была Германия, подарившая миру марксизм, Германия Эрнста Тельмана и антифашистского подполья. Она звала к отмщению, и она же зовет к бдительности, к мобилизованности духа, к священному долгу защиты завоеванного мира.

В поэме «Суд памяти» создает Егор Исаев один из сильнейших образов русской советской поэзии — образ Памяти. «И ходит по Земле босая Память — маленькая женщина...» Слеза, выкатившаяся из ее глаз:

...одна на всех.
Со дна
Людского немелеющего горя.
В ней боль одна.
И скорбь одна.
Она
Везде и всюду
Солона, как море.
Одна слеза.

Она вызывает к жизни другой необычайной глубины образ, трагический образ «кремень-слезы», один из центральных образов новой поэмы Е. Исаева «Даль памяти». В нем страдание, печаль и боль народная, и в нем же мужество и вдохновение борьбы широкой, размашистой и победоносной.

В творческом мире большого мастера все удивительно переплетено, связано, слито воедино. И масштабное полотно, задуманное поэтом, включающее поэмы «Суд памяти» и «Даль памяти», не только объединено общим замыслом, но и сцементировано Памятью.

Она дает право художнику-гражданину судить судом праведным и гневным тех, кто приговорен историей. Она же рождает гордость за родную страну, народ, в смертном бою отстоявший свободу.

И замершие перед найденной на крутой дороге окаменевшей слезой герои «Дали памяти», вспоминая горе, боль и страдания, которые вынес народ, испытывают и обостренное чувство радости при мысли о свершенном далекими предками и ими самими. Потому так яростно звучит гармонь в руках умельца-музыканта и потому не ушла из жизни, а обрела еще большую радость кольцовская удаль молодецкая в пору сенокоса. Человек — хозяин жизни — познает свою землю во всех ее измерениях, а саму жизнь народную представляет как главную реку, устремленную в океан грядущего, созидаемого и охраняемого руками трудовыми.

Стих Егора Исаева динамичен, точен, тонок. В каждой строке поэмы «Даль памяти» чувствуются разнообразные оттенки движения человеческой души, подразумевающие постоянную, глубокую идею, питающую его музу.

Зарю на груды!
И —
Звончато и нежно —
Ходи,
Ходи,
Оглаженная сталь!

Не жаль косы,
Росы не жаль, конечно,
Да только вот
Цветов немного жаль.
Жаль красоты!

Любовь к жизни буквально пронзила эти изящные, исполненные в лучших традициях русской поэтической культуры строки из главы «Посвящение в мужики».

Поэзия Е. Исаева не декларативна, идея не лежит у него на поверхности, а органично, как неотъемлемая составляющая, входит в живую плоть художественного произведения. Иначе и быть не может у поэта, который остро ощущает свою ответственность перед временем, ясно сознает свое назначение на земле.

...Таков он, Егор Исаев, вступивший в зенит своей жизни, а стало быть, и в пору настоящей творческой зрелости, способной проникнуть и в даль памяти и в сегодняшний и завтрашний день своего народа.

Вот он, Первомайск, с птичьего полета!

«...Каждое утро десятки миллионов людей начинают свой очередной, самый обыкновенный рабочий день: становятся у станков, опускаются в шахты, выезжают в поле, склоняются над микроскопами, расчетами и графиками. Они, наверное, не думают о величии своих дел. Но они, именно они, выполняя предначертания партии, поднимают Советскую страну к новым и новым высотам прогресса».

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде партии.

УТРО ПЕРВ

Первый скворец.

Таня из детского сада «Ручеек».

Б. СОПЕЛЬНЯК, А. НАГРАЛЬЯН,
специальные корреспонденты «Огонька»

ОМАЙСКА

Первомай — это не только международный праздник солидарности трудящихся, это еще и праздник весны, праздник молодости. Взгляните на снимок, помещенный на титуле «Огонька», вглядитесь в эти юные, радостные лица, и сразу станет ясно: у них все впереди! Впереди весна, впереди любовь, впереди трудовые свершения.

Этот снимок мы сделали утром накануне праздника в городе Первомайске, Николаевской области. И нам захотелось рассказать об одном утре этого города — обыкновенном рабочем утре обыкновенного рабочего дня.

...Случилось это ровно триста лет назад. На холмистом берегу Южного Буга при впадении в него быстротечной Синюхи отыскали запорожские казаки подходящее место, воздвигли глинобитные сте-

ны, окопали их рвом, поставили смотровую вышку и назвали укрепление Орликом. Позже небольшая крепость стала городом Ольвиополем. Через несколько лет под боком у Ольвиополя появилась еще одна крепость, Голта, а чуть позже — Богополь. Тогда-то и родилась поговорка, что петух, скажем, в Ольвиополе поет на три города.

А в 1919 году на первомайском митинге рабочих, крестьян и партизан было принято решение объединить эти три городка в один и в честь международного пролетарского праздника назвать его Первомайском... Теперь здесь 75 тысяч жителей, развитая промышленность, множество школ, детских садов, дворцов культуры, клубов.

Утро Первомайска... Для всех оно начинается по-разному. Вот идет, заметно прихрамывая, немолодой, ладно скроенный человек. На работу он выходит загодя. Все, кто обгоняет его или попадается навстречу, здороваясь, осторожно пожимают ему руку. Осторожно, потому что знают, — рука покалечена. Каждое утро Андрей Саввич шагает по тем местам, где бился его батальон и где сам начштаба был смертельно ранен. Так считали все, кроме Андрея Чернецкого. Полгода старший лейтенант Чернецкий лежал без движения и почти без сознания. Говорить он не мог, зато мог думать, вспоминать... А вспомнить было что. Трудное детство в деревеньке под Первомайском, юношей начал работать, затем служба в армии, Великая Отечественная война... И вот батальон Чернецкого на берегу Южного Буга. На той стороне — Первомайск и отцовская хата. Жив ли он, живы ли братья, сестры? Утром 24 марта 1944 года батальон форсировал Южный Буг и ворвался в город. Но фашисты не дали переправиться через реку основным силам полка, и батальон, захватив плацдарм, остался один на один с сильным гарнизоном. Никто не дрогнул. Когда кончились боеприпасы, отбивались чем могли. Фашисты забрасывали траншеи батальона гранатами. Десантники хватали гранаты, пока те не разорвались, и бросали во вражеские окопы. Несколько раз так действовал и начштаба. Но одна граната упала далековато, и, пока старший лейтенант к ней тянулся, граната разорвалась...

Инвалидом второй группы вышел Андрей Саввич из госпиталя. Была пенсия, были родители, друзья, появилась заботливая жена, дети. Казалось бы, живи спокойно да копайся в садочке. Но кавалер трех боевых орденов не мог сидеть дома. Он пошел работать. Как раз в это время в Первомайске открылась швейная фабрика. Чернецкий стал ее директором. Начинали с простынь да телогреек, а теперь это прекрасное, высокомеханизированное предприятие, которое по итогам девятой пятилетки занесено в Книгу трудовой славы ВДНХ. Брюки, юбки, сарафаны, рубашки, шорты, словом, все, что шьют в Первомайске, на полках магазинов не залеживается. Сорок четыре модели первомайских швейников имеют Знак качества.

Вот так работает бывший фронтовик, делегат XXV съезда Коммунистической партии Украины. Его грудь вместе с боевыми наградами украшают орден Ленина и орден Октябрьской Революции.

...Утро набирает силу. Все выше солнце, все больше народу на улицах, все гуще поток машин. Вот промчалась колонна огромных молоковозов. Удивительное дело, но настоянный на степных травах запах парного молока перешиб горечь автомобильных выхлопов. Сверкающие белизной цистерны скрылись под аркой ордена Трудового Красного Знамени молочноконсервного комбината, а навстречу уже тянулись МАЗы, доверху загруженные банками со сгущенным молоком, сливками и другой вкусной продукцией. Семьдесят миллионов банок переработанного молока вывозят ежегодно из ворот комбината, причем на многих из них Знак качества.

Машины торопятся, спешат, ведь утро начинается, а надо успеть доставить молоко не только в магазины, но также в детские сады и школы. Вот уморительно спешат малыши из детского сада «Ручеек». У ворот они степенно прощаются с мамами и, взявшись за руки, бегут в свои группы.

— Сегодня упражнения с обручем лучше всех делала Таня Мосиевич, — говорит воспитательница. И ребята дружно аплодируют прелестной белокурой девчушке.

— Кем будешь, когда вырастешь? — спросили мы у Тани.

— Сполсменкой! Буду ездить на велосипеде!

Да, велосипедистов Первомайска знают по всей Украине. Сколько в этом городе выросло мастеров спорта, членов сборных команд и чемпионов — не перечесть! Велосипед да гребля — самые популярные в Первомайске виды спорта. Еще бы, вокруг отличные шоссе, а рядом две реки. До чего же красиво выглядит Южный Буг, когда по его утренней, сонной глади скользят стремительные байдарки и каноэ. А чуть ниже по реке — знаменитая слаломная трасса. На бурных, белопенных порогах каждый год соревнуются лучшие водные слаломисты страны.

Много сложено песен, много написано стихов о заводской проходной, и все же нельзя не волноваться, когда видишь, как утром мощным потоком течет к воротам завода людская река. Вот известный всем морякам машиностроительный завод имени 25 Октября. В прошлом году он отметил свое столетие. Когда-то здесь делали плуги да веялки, а теперь — дизель-генераторы и главные судовые двигатели. Не перечесть судов, которые бороздят морские и океанские воды благодаря дизелям, сделанным в Первомайске. Двигатель двигателем, но ведь каждый корабль потребляет столько же электроэнергии, сколько небольшой город. Где ее взять? Надо установить дизель-генератор, изготовленный на том же Первомайском машиностроительном заводе. Я уж не говорю о том, что эти дизель-генераторы исправно работают в Якутии и на Чукотке, в Средней Азии и на Кавказе, в Западной Сибири и на БАМе. А кроме того, еще и в тридцати двух зарубежных странах.

...На несколько минут улицы города опустели: началась утренняя смена на заводах, уселись за парты школьники, занялись своими играми детсадовцы. Но вот на тротуарах появились юноши и девушки с толстыми портфелями и рулонами чертежей. Спешат на лекции студенты общетехнического факультета Одесского технологического института холодильной промышленности. Факультет этот совсем молодой: пятнадцать лет назад он умещался в одной комнате с одним столом. А теперь у студентов Первомайска два просторных корпуса, светлые аудитории, прекрасно оснащенные лаборатории.

С Ларисой Корко мы познакомились в библиотеке. Девушка сидела за столом, обложившись такой грудой книг, что сфотографировать ее было невозможно. Да и разговора не получилось.

— Скоро экзамены,— деловито сказала она.— Так что не обессудьте, на счету каждая минута. Сейчас уже полдесятого, а в одиннадцать — зачет.

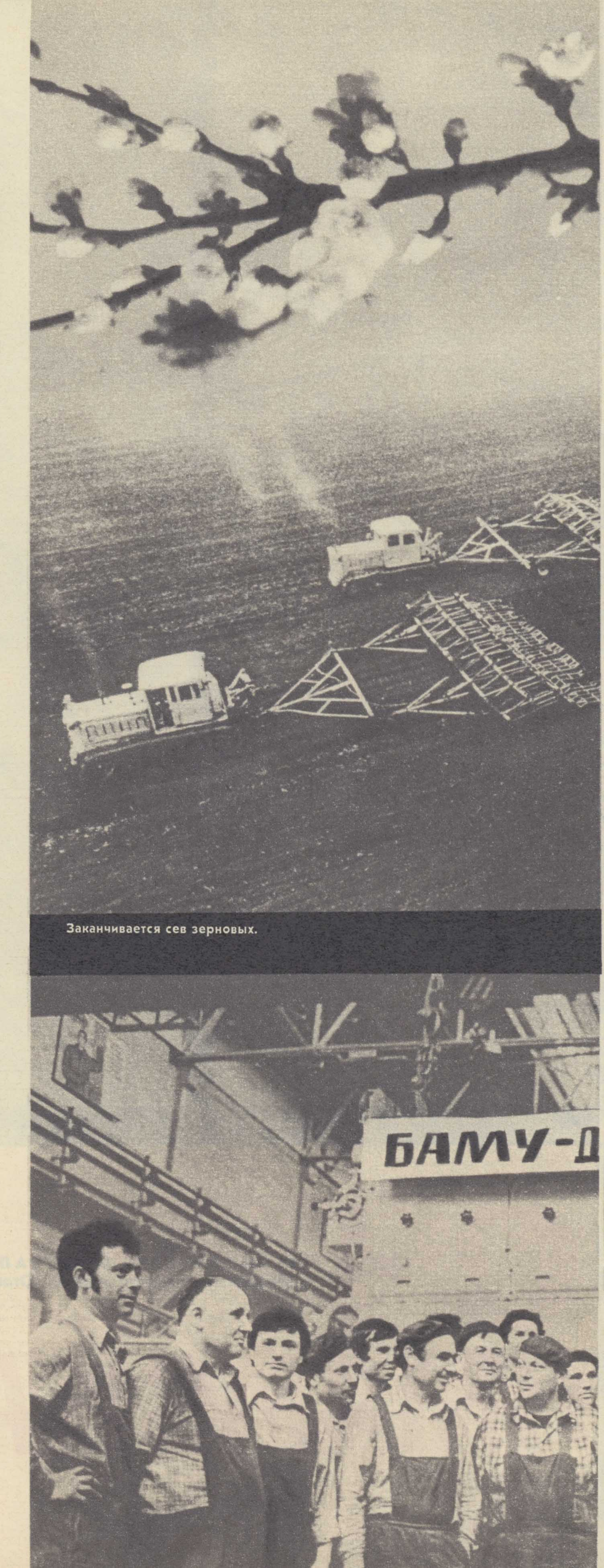
Пожелав ей ни пуха ни пера и выслушав соответствующий ответ, мы поехали в пригородный совхоз «Первомайский». Солнце пекло во всю мочь. Все изнывало от жары. Поэтому мы нисколько не удивились, когда на горизонте показался мираж. Мираж как мираж: благодатный дождь и ...радуга. Концы этой искрящейся на солнце дуги были так близко, что, казалось, до них можно дотянуться и согнуть радугу в кольцо. Но самое удивительное, мы въехали под дугу, а она не исчезала, да и дождь усилился.

— Это наш знаменитый «Фрегат»,— с гордостью сказал начальник мехотряда А. Г. Люшняк.

Мы огляделись, но красавца парусника не заметили.

— Да не парусник это, а обыкновенная дождевальная установка!— засмеялся Андрей Григорьевич.— Делают их в Первомайске, на заводе «Фрегат». За тридцать шесть часов установка способна дать дождь 72 гектарам земли, хотя никакого двигателя «Фрегат» не имеет: он использует энергию той же воды, которую разбрызгивает. И вот результат: на неполивных землях, так называемой богаре, мы собираем по восемнадцать центнеров зерновых с гектара, а после применения «Фрегата» — по сорок восемь.

В город мы вернулись часов в одиннадцать. Закончилось утро, обыкновенное трудовое утро обыкновенного трудового дня обыкновенного города с названием, от которого веет весной и праздником,— Первомайск.

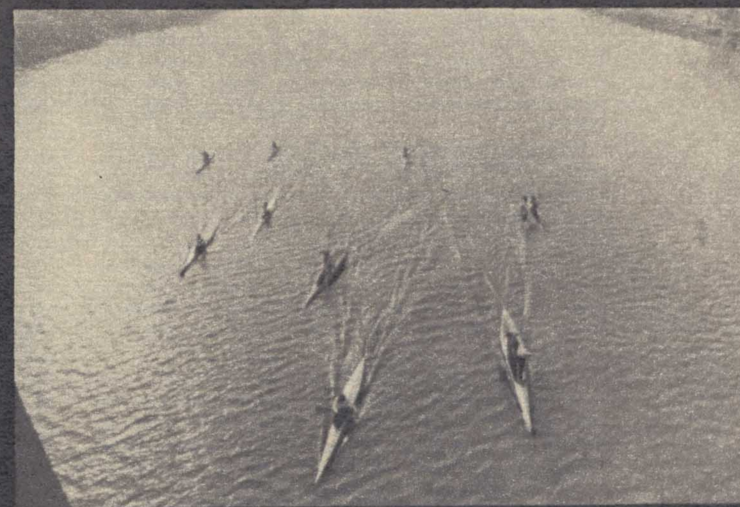
Заканчивается сев зерновых.

Этот дизель-генератор изготовлен для строителей БАМа досрочно.

У студентов приближается пора экзаменов и защиты дипломов.

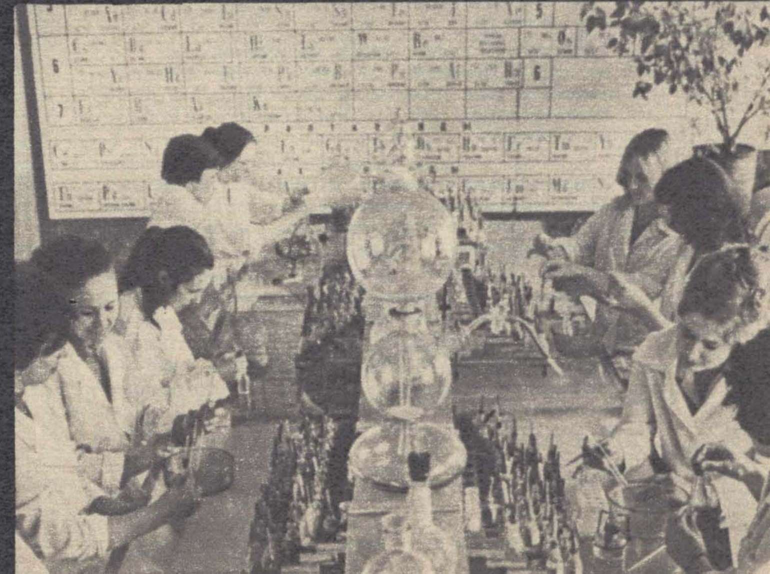
Какое раздолье для гребцов на просторах Южного Буга!

Каждое утро Рая Моисеенко отправляет множество банок с вкусной продукцией молочноконсервного комбината.

Лабораторную работу по химии студенты выполняют в кабинете, который оборудовали и оформили своими руками.

Фазу АЛИЕВА

Мне посчастливилось. Все это я видела своими глазами. Ничего не пропустила, даже самого маленького события этой удивительной поездки. Все сохранила в памяти.

Прильнув к стеклу иллюминатора, с высоты десяти тысяч метров я смотрела, как ночь превращалась в рассвет. Звезды, еще недавно горевшие всем своим звездным сердцем, погасли, и луна, такая величественная и гордая, скользившая сквозь тучи и облака, исчезла. Ночь под тяжестью стольких потерь упала вниз, и трепетала, как черный ворон, и билась крыльями, становясь все меньше и меньше, теряя перья на ветру, который уносил их.

А там, с самых вершин Гималайских гор, медленно и величественно поднимался алый голубь — заря. Все выше и выше, все шире и шире. Крылья голубя были огненными, они переливались перламутром снежных вершин, отливали изумрудом, голубизной бирюзы.

Все величественнее становились Гималаи, и мне чудилось, что одна из самых высоких вершин не вершина, а мудрец с длинной седой бородой. Мне виделся гениальный бенгалец, чьи стихи, романы и рассказы любимы мною давно, еще с детства:

Блеск сокровищ мне неведом.
(Я готов признаться в этом.)
Мне дороже дар бесценный,
Светлый дар любви народа.
Я не знаю, где на свете
Могут быть цветы, как эти.
Где еще луна так нежно
Смотрит вниз с ночного неба?
С детства помня над собою
Небо Индии родное,
В час последний взгляд прощальный
Растворить я в нем хотел бы.

— С кем ты разговариваешь?— удивленно спросил меня глава нашей делегации, профессор Расул Магомедович Магомедов.

— Я? С Рабиндранатом Тагором.

— Значит, у нас с тобою вкус совпадает.— И он, выпрямившись в кресле, прочитал:

Я не хочу умирать в этом прекрасном
мире.
Вечно хотел бы жить я среди людей,
В мире, где светит солнце, где небо
такое синее,
Где в уголке каком-то место б
нашлось и мне.

Да, он вечен на земле, он бессмертен. Разве может умереть тот, кто с такой любовью воспевал свою родину, с такой болью в душе писал о своем народе, призывал его к борьбе за свободу и независимость!

В стихах незаметно растворилось время. Мы приземлились в Дели в тот момент, когда алая заря, побледнев, уступила свои права утру и первые лучи солнца освещали высокие минареты старинного города.

Полет из Дели в Джамму и Кашмир длился недолго. В кольце высоких неприступных гор лежит в котловине столица штата — Сринагар. Тяжелые гирлянды цветов, букеты, теплые улыбки, сияющие глаза кашмирцев — и вот мы уже испытываем такое чувство, словно приехали в высокогорный аул Дагестана. И совсем нет ощущения, что люди говорят на иномязыке.

Вот уже несколько лет Дагестан дружит с штатом Джамму и Кашмир. Здесь до нас побывала делегация из Дагестана, и друзья из Индии путешествовали по моей республике. Индийцы пели вместе с нами в горах песни нашего народа, и радовались нашим успехам, и восхищались теми изменениями и свершениями, что принесло солнце Октября.

А теперь мы отправляемся в гости к крестьянам села Ханжура. Эти труженики, босые, с мозолистыми, словно бугристая кора дерева, руками, приняли нас с распахнутой настежь душой. Они говорили на своем родном языке, но я понимала их так же, как они понимали нас, дагестанцев. Понимали потому, что это был язык дружбы и взаимной любви. Они говорили о силе дружбы, бескорыстной и нерушимой, между индийским и советским народами, благодарили нас за приезд. Узнав, что я шаир — поэт, они просили меня прочитать стихи, и оказалось, что самое дорогое для нас слово «ватан» — Родина — на их языке звучит так же, как и у нас. Едва я сказала, что прочту стихотворение «Ватан», все захлопали в ладоши, глаза загорелись. Люди ловили каждое слово, повторяя за мною: «Ватан! Ватан!»

Когда я кончила чтение, переводчик спросил, не надо ли перевода. Встал старый крестьянин. Сразу было видно, что кусок хлеба дается ему не так легко. Но весь его облик дышал силой, тяжкое прошлое не подавило в нем веры в лучшее будущее. «Мы поняли, о чем это,— сказал он.— Это о ватане, а родина у человека одна. Как не может быть у человека двух родных матерей, так не может быть и двух родин. В этом стихотворении говорилось о любви к своей родине, о преданности». Да, он не ошибся, этот старый неграмотный крестьянин, который сумел так проникновенно почувствовать и понять незнакомую аварскую речь.

После митинга он пригласил нас к себе в гости. И дом его напомнил мне дом Омардады, дяди моего отца, старый дом, построенный еще до революции. Те же грубые камни лестничных ступенек, темный, глухой ход под навесом. Те же медные тазы в доме, гульгум[1] с лебединой шеей, пылающий очаг... Вглядываясь, я узнавала в хозяине те самые черты, что были мне так близки и дороги в Омардаде, крестьянине аула Гиничутли, благодаря которому я научилась любить и ценить землю, который вложил в мою душу тысячи легенд и притч о подвигах народа. Что же роднит этих двух крестьян? Руки ли, что переняли цвет у земли, мозоли ли колючие, словно гвозди, эти печальные глаза, которые вобрали грусть самой земли? Что их роднило? Почему индиец этот напоминает мне незабвенного Омардаду, давно уже похороненного, на могиле которого я сама посадила несколько деревьев? Умирая, Омардада просил: «Не отрывайтесь, дети, от земли, любите ее, она в тысячу крат умножит и вернет вам свою любовь. Не давайте скучать ей по своим рукам, скука земли рождает пустоту тоски, нет ничего страшнее, когда пустует земля. Еще прошу вас, дети: в свежую землю моей могилы бросьте несколько абрикосовых косточек, пусть растут деревья, чтобы люди, сорвав их плоды, произносили мое имя. Иначе как же я почувствую связь с вами, остающимися на земле?»

И сегодня, сейчас, в далекой Индии, он словно живой встал передо мною. Вспомнились его рассказы о тяжелой жизни горца, когда он батрачил у богатых кулаков, когда не умел даже написать имени своего, когда жил мечтою о свободной доле. Омардада увидел новое, он был и свидетелем и активным участником великих свершений горной страны. Измученный нуждой и бесправием, в бязевой одежде, шел он вместе с тысячами таких же крестьян навстречу свету Октября. Шел по партизанским тропам, боролся с белобандитами. Его не брала ни пуля, ни сабля. Его звала свобода. Омардада работал с киркою в руках на берегу непокорного Сулака, чтобы засушливые земли Кавказа оросились. И он увидел, как голубые воды Сулака поднимали хлеба. Он, крестьянин, работал и в теснине Гергебиля вместе с русскими инженерами, как их называют в горах, «старшими братьями», чтобы тусклые лучины в горских саклях сменились «лампочками Ильича»...

В доме запахло остросладким, и мне почудилось, что я в сакле и будто жена Омардады Халун налила в херч[2] чесночно-ореховую подливку. Нас угощали национальным блюдом «вазван». Белоснежный рис и к нему мясо и дичь, настолько острые, что иногда перехватывало дыхание. Счастливо сияло лицо хозяина, когда мы сказали, что еда нам очень понравилась. Так же вот Омардада угощал, бывало, своих гостей...

Мы пробовали все, что нам подавали у этого теплого очага, чем угощал нас человек, которого мы узнали только сегодня, который жил за тысячи километров от нас и который так мне напоминал дорогого Омардаду. Прощаясь с ним, мы на трех разных языках Дагестана — Расул Магомедович на даргинском, Багавдин Асалтанович Моллаев, первый секретарь Хасавюртского горкома партии, на кумыкском, а я на аварском — поблагодарили хозяина. «Баркала!» — сказала я. В переводе с аварского это означает «спасибо». А он все повторял: «Шукрия, шукрия!» — «Спасибо, спасибо!» И с того часа мы запомнили это простое слово.

В горах говорят, что слава о добре летит дальше всего, что она свивает нерушимые гнезда в сердцах людей и бессмертна, как гранитные горы. Я вспомнила эти слова на другой день, когда мы с утра шли к маленькому, утопающему в зелени и цветах особняку. Нас, делегацию далекой Страны Советов, вела сюда добрая слава, что оставил на земле Д. П. Дхар, работавший в Советском Союзе послом Индии, посвятивший свою жизнь укреплению дружбы между народами двух великих держав. Вдова и невестка Дхара встретили нас радушно. Они были безмерно рады, что мы посетили их дом, что их помнят в Советском Союзе. На чистом русском языке вдова Дхара сквозь слезы говорила:

— Спасибо. Добро никогда не умирает, и мы никогда не забываем своих друзей, которые умеют ценить дружбу и мир.

В тот же день состоялась одна из самых замечательных и важных встреч — с главным министром штата шейхом Абдуллой. Он принял нас в живописнейшем уголке — в саду под чинарами, чьи вершины касались небес. Уже семьсот лет наслаждаются они землею и небом, эти деревья. Шейх Абдулла, статный, очень подтянутый, симпатичный человек, держался так, словно виделся с нами не позже как вчера. От его простоты, умения вести беседу растаяла, как туман в ущелье, скованность. Шейх Абдулла очень интересовался Дагестаном, задавал много вопросов. Особенно его интересовала проблема языков: как разрешен этот вопрос в Дагестане. Мы объяснили, что у нас давно нет этой проблемы. Мы рассказали о нашей литературе и искусстве, о наших замечательных мастерах художественных промыслов, и в подтверждение их высокого класса Расул Магомедович вручил шейху кинжал кубачинской работы. Шейх долго рассматривал удивительное произведение искусства, восхищался и, вынув клинок из но-

[1] Гульгум — кувшин.

[2] Херч — деревянное блюдо.

Р И Я

жен, попробовал его острие на волосинке. Мы шутливо сказали: «У нас говорят: чтобы владеть кинжалом, голова важнее рук. Обнажи клинок, чтобы защитить страну от нападающих врагов, а сам никогда не будь зачинщиком. Но если уж в нужный момент ты его обнажил ради родины, то без славы в ножны не вкладывай!»

Шейху очень понравились эти слова. Он даже попросил повторить их. Его супруга Бегам Абдулла долго рассматривала сувенир, сделанный руками унцукульских мастеров, поражалась тонкости инкрустации.

Мы рассказали, что, когда к Владимиру Ильичу Ленину отправлялась первая делегация от голодного и нищего, но уже пробудившегося к новой жизни и потянувшегося к свету Дагестана, старые мастера Унцукуля сделали в подарок своему вождю чернильный прибор такой же работы. Владимир Ильич был в восторге, оставил этот прибор в своем кабинете, он и сегодня там и по-прежнему восхищает бесконечный поток людей, которые приходят взглянуть на скромный кабинет любимого вождя. Владимир Ильич увидел в этом приборе золотые руки мастеров, он призывал беречь все народное, прекрасное. И сегодняшний Дагестан — торжество ленинских заветов. Мы рассказали о рахатинских бурках, о гоцатлинских мастерицах, об удивительных ковровщицах Табасарана и Лезгистана. Супруга шейха Бегам Абдулла спрашивала, национальный ли на мне костюм, умеют ли так одеваться и другие мои соотечественницы, много ли в Дагестане образованных и культурных женщин. То, что я рассказала, то, что сегодня нам кажется обычным, вызывало у нее сомнение...

Шейх Абдулла попросил меня прочитать свои стихи, что я и сделала с большим удовольствием. Но он и на этом не остановился, ему захотелось проверить, нет ли сходства в мелодиях Кашмира и Дагестана. Хотя я вообще никогда не пою, но тут решилась и спела старинную аварскую песню. Шейх нашел, что она чем-то напоминает ему родные напевы, и тут же обратился к главе делегации Расулу Магомедовичу с деловым предложением — обменяться ансамблями, индийский послать в Дагестан, а наш к ним, в Кашмир.

На прощание шейх пригласил нас на другой день в кашмирский университет, где происходила церемония вручения дипломов выпускникам. Этому акту индийцы придают огромное значение, видимо, потому, что не очень многие имеют возможность учиться здесь, получить высшее образование. Все преподаватели были в национальной праздничной одежде, трибуна сияла золотом, поражало пышное великолепие кресел. Но столь же непривычно было видеть среди такого числа преподавателей всего одну женщину, и я обратилась мыслями к родному Дагестану, нашему Государственному университету имени В. И. Ленина, где большинство преподавателей — женщины и студенток больше, чем студентов.

Днем мы осматривали кустарные мастерские, от которых пришли в восторг. Тончайшая роспись по дереву, подносы, шкатулки, удивительные вазы перенесли нас в мир легенд, мифов и сказок. Мы рассматривали эти произведения высокого искусства, и люди, их изготовившие, представлялись нам зрелыми мастерами. Но оказалось, что мастера — маленькие дети. Если не ошибаюсь, одному из тех, кого мы видели работающими, было не больше пяти лет. Он наклеивал на поднос тонкую папиросную бумагу, чтобы художник затем нанес на нее рисунок для будущей росписи. Они сидели босые на полу, низко согнувшись. Один из них расписывал сказочной красоты поднос. Природа наделила этого мальчика — его зовут Джабир Гусейн — не только редким талантом, но и прекрасным лицом. Его большие черные глаза смотрели как бы из глубины веков, столько в них было внутренней силы и затаенной печали.

— Со скольких лет работают дети? — спросила я.

— С того дня, когда родители сумеют довести до сознания ребенка: чтобы добыть себе кусок хлеба, необходимо работать, — ответили мне.

Не знаю, что это было — поэтическая ли впечатлительность, или тоска по сыновьям, оставшимся дома, но я никак не могла взять себя в руки. Я все гладила по головке этих маленьких мастеров, уже знакомых со взрослой заботой о хлебе. Когда мы дарили им значки, один из мальчиков попросил: «Ленин, Ленин». Ему вручили значок с силуэтом Ленина. А Джабир Гусейн спросил меня, почему я плачу.

— Я вспомнила своих детей, вспомнила одного мальчика, который так похож на тебя. Его зовут Махач...

На ужин нас пригласил Гульям Мустафа, один из горячих сторонников нашей дружбы, активный ее пропагандист. В его уютном доме собралось много молодежи, и разговор шел совершенно открытый, задушевный.

Ежедневно у нас бывало по нескольку таких встреч, по пять, по шесть, спать приходилось очень мало, но мы не чувствовали усталости. Каждая встреча обогащала и нас и наших радушных хозяев. Они хотели узнать о нашей стране как можно больше, они затаив дыхание слушали о БАМе, о Чиркейгэсстрое, о КамАЗе, о жилищном строительстве.

Не забудется визит к бывшему главному министру штата Мир Касыму. Первыми его словами было: «Я истинный друг Советского Союза, люблю вас, восхищен вами!» Беседа длилась долго, говорили мы как старые друзья. Его больше всего интересовало разрешение национального вопроса в Советском Союзе, в частности в Дагестане. Его очень волновал вопрос о равноправии женщин.

— Кто ваши родители? Расскажите немного о себе, — попросил он меня.

Я поняла, что именно интересует Мир Касыма. Если я народная поэтесса, член правительства Дагестана, то, может быть, он подумал, что родители мои — какие-то выдающиеся люди. Еще он спрашивал, есть ли у нас дореволюционные поэтессы-классики, знаю ли я их произведения. Чтобы ответить на все эти вопросы, не требовалось никакого поэтического воображения, я говорила то, что могла бы сказать о себе каждая дагестанская женщина моего поколения.

До Великой Октябрьской революции особенно в тяжелом, бесправном положении находилась в Дагестане женщина. В горах считали, что женщина не только не должна уметь читать и писать, но грех, если она может отличить деньги от простой бумаги. Считалось, что девушку можно выдавать замуж, если ее не собьет с ног брошенная на голову тяжелая чабанская папаха. Если женщинам приходилось быть свидетелями на суде, то показания четырех женщин приравнивались к свидетельству одного мужчины. Когда мужчина со словом привета «Ассаламу алейкум» входил в чужой дом, то женщина, если даже дома, кроме нее, нет никого, не имела права отвечать ему приветственным «Ваалейкум салам» и приглашать его зайти. Мужчина вправе был обидеться, что на его приветствие ответило существо, которое и человеком не считали. Да, и до революции в горах жили талантливые женщины, наши прабабушки и бабушки, матери и жены мужественных, храбрых и свободолюбивых горцев, но талант их не получил развития, потому что зерно таланта, вложенное в них природой, засушивалось, как пшеничное зерно, попавшее в бесплодную землю.

Окончание следует.

на весенней орбите

Фото К. Кузьменко

РАНЬШЕ ПОДСНЕЖНИКОВ...

Овощеводы Советского Азербайджана давно опровергли пословицу «Каждому овощу — свое время»: огурцы, помидоры, капусту здесь выращивают чуть ли не круглый год. Но с приходом новой весны овощной конвейер заработал куда напряженнее. Республиканский огород раскинулся на пятнадцати тысячах гектаров Ленкоранского, Масаллинского и Астаринского районов. Свыше двухсот тысяч тонн ранних овощей отправит Азербайджан весной первого года десятой пятилетки. Раньше подснежников расцвела в этом году капуста, налились соком огурцы. В начале мая созреют первые помидоры.

К сбору весеннего урожая уже приступили в колхозах Ленкоранского района. Здесь собирают с каждого квадратного метра по пятнадцать килограммов овощей. А самолеты, авторефрижераторы и поезда, обслуживающие овощной конвейер, приступили к перевозкам даров щедрой земли. Их маршруты пролегли в Москву и Ленинград, на Крайний Север и Дальний Восток, нефтяную Тюмень и на БАМ.

— В апреле в Баку впервые провели межреспубликанскую оптовую ярмарку, — говорит председатель аграрно-промышленного объединения «Азплодовощпром» И. Шамиев. — Были заключены договоры на поставку во множество областей Российской Федерации и Украины, в Прибалтику и Белоруссию большого количества овощей, плодов и винограда. Общая сумма сделок составит несколько миллионов рублей. Для нас очень важно как можно быстрее отправить дары весны.

Г. ПОГОСОВ

Баку

на весенней орбите

НАСТРОЕНИЕ ПРАЗДНИЧНОЕ

Г. Н. СМИРНОВ,
бригадир шахты «Юбилейная» объединения «Гидроуголь», член Президиума Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, делегат XXV съезда КПСС

Дома и на работе у нас бывают свои праздники и торжества. У каждого в личной жизни есть праздники. Простите, что начну с себя, но я уверен, что в самолюбовании меня никто не обвинит. Мой праздник, о котором хочу сказать, принадлежит не мне одному, а всем моим товарищам по бригаде, всей нашей шахте и вообще всем труженикам.

Слушали мы на XXV съезде партии доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, вникали в каждое слово. Понимали, что это программный документ, в нем — стратегия партии и государства. В таких документах, имеющих историческое значение, определяются главные цели и задачи, даются четкие обобщающие формулировки основных направлений развития. И вдруг Леонид Ильич в разделе о сельском хозяйстве произносит имена Терентия Семеновича Мальцева, Александра Васильевича Гиталова, Турсуной Ахуновой, Михаила Ивановича Клепикова, Лейды Пейпс, Николая Васильевича Бочкарева. А потом Генеральный секретарь ЦК партии сказал: «Повсеместную поддержку получили начатое по инициативе бригад Геннадия Смирнова, Владимира Мурзенко, Михаила Чиха соревнование за добычу не менее тысячи тонн угля в сутки из одной лавы, опыт хозрасчетного подряда бригады строителей Николая Злобина, движение за повышение производительности труда и улучшение качества продукции по примеру знатных текстильщиц Елены Амосовой, Алевтины Смирновой, Валентины Плетневой, Валентины Бобковой...» Для меня было неожиданно, что мое имя упоминали в докладе, даже растерялся немного. Но тут же подумал: ведь сказано «бригада Геннадия Смирнова» — значит, все правильно, не меня персонально заметили, не мой это личный праздник. А позже я понял, почему в таком программном документе, как Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС съезду партии, содержатся, кроме стратегических положений, и имена передовиков. Потому что вся политика партии, вся ее практика основываются на способностях и деловых качествах советских людей и имеют единственную цель — благо народа.

Праздничное настроение тех съездовских дней передалось нынешнему нашему всеобщему пролетарскому празднику — Первомаю. Мы не статистики, нам неизвестно в точных числах, как обстоит именно на сегодня дело с выполнением плана в масштабах страны. Но если судить по нашей шахте и если везде дела идут не хуже, чем у нас, то можно только радоваться.

Лучше любых слов дадут представление о нашей работе несколько цифр. По плану производительность труда установлена была такая: 206,9 тонны угля на одного шахтера в месяц. А по итогам первого квартала получилось 208,3 тонны. Что это значит в целом? Наша бригада, например, за квартал выдала 342 772 тонны. Вся шахта обещала ко дню рождения Ленина дать сверх плана 35 тысяч тонн, а дала 38 тысяч.

Страна наша самая большая. Когда в Москве восемь часов утра, у нас в Новокузнецке полдень, а в Петропавловске-Камчатском — пять вечера. У весны, идущей по Советскому Союзу, дорога длинная. Но не в одной географии дело. Трудно охватить умом все то, что свершается ежеминутно на просторах великой нашей державы.

Судя по сообщениям газет и радио, у других, как и у нас на шахте, весенняя обстановка складывалась неплохо.

На Ангаре начали подготовку к строительству четвертой гидростанции каскада — Богучанской ГЭС.

Уже к середине апреля хлопкоробы Азербайджана засеяли свыше двух третей площадей, отведенных под хлопок, а живущие от них за многие сотни километров хлеборобы Николаевской, Кировоградской, Крымской, Запорожской областей закончили сев ранних зерновых.

На Коммунарском металлургическом заводе в разгаре строительство пускового объекта 1976 года — доменной печи № 1-бис производительностью более двух миллионов тонн чугуна в год.

По всей вероятности, трудящиеся Литвы глубоко уверены в своих силах и возможностях, если приняли обязательство увеличить в первом году десятой пятилетки производство товаров народного потребления на 110 миллионов рублей по сравнению с минувшим годом. А труженики Белоруссии записали в своих социалистических обязательствах: сэкономить в производстве 80 тысяч тонн металла и 279 миллионов киловатт-часов электроэнергии.

Примеры можно множить и множить, но все равно необъятного не обнимешь. Мне кажется, высокий трудовой порыв советского народа особенно ярко выразился в коммунистическом субботнике 17 апреля, которым была ознаменована 106-я годовщина со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Своей безвозмездной работой десятки миллионов людей сделали большой вклад в фонд пятилетки. Наша бригада выдала 4200 тонн угля, перевыполнив суточный план на двадцать процентов,— это как-никак полтора тяжеловесных состава. Но не менее дорог истинно коммунистический дух, который царил в этот день. И в этом тоже чувствовался отзвук XXV съезда партии.

Жизнь наша устроена прочно. Мы знаем, что никакие потрясения советской экономике не грозят и грозить не могут, и потому каждый труженик уверен в своем будущем, у него нет причин опасаться за завтрашний день, сомневаться, будет ли у его детей кусок хлеба.

В канун международного праздника солидарности трудящихся невольно приходит на ум плачевная судьба миллионов пролетариев капиталистических стран. Нам трудно себе представить положение человека, месяцами и годами слоняющегося в безуспешных поисках работы. Трудно вообразить себя рабочим, над которым постоянно, как топор, висит угроза увольнения в связи с сокращением производства. Но ведь великое множество людей прозябает именно в таком состоянии там, в условиях так называемого «свободного» общества.

Думая об этом, с особой гордостью сознаешь себя гражданином социалистического общества, строящего коммунизм, с особой благодарностью оцениваешь деятельность родной Коммунистической партии, ее Центрального Комитета во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым.

Все выше и голубее небо над головой. Весна шагает мирными дорогами страны. Дела наши спорятся, впереди непочатый край работы. Так оно и будет всегда.

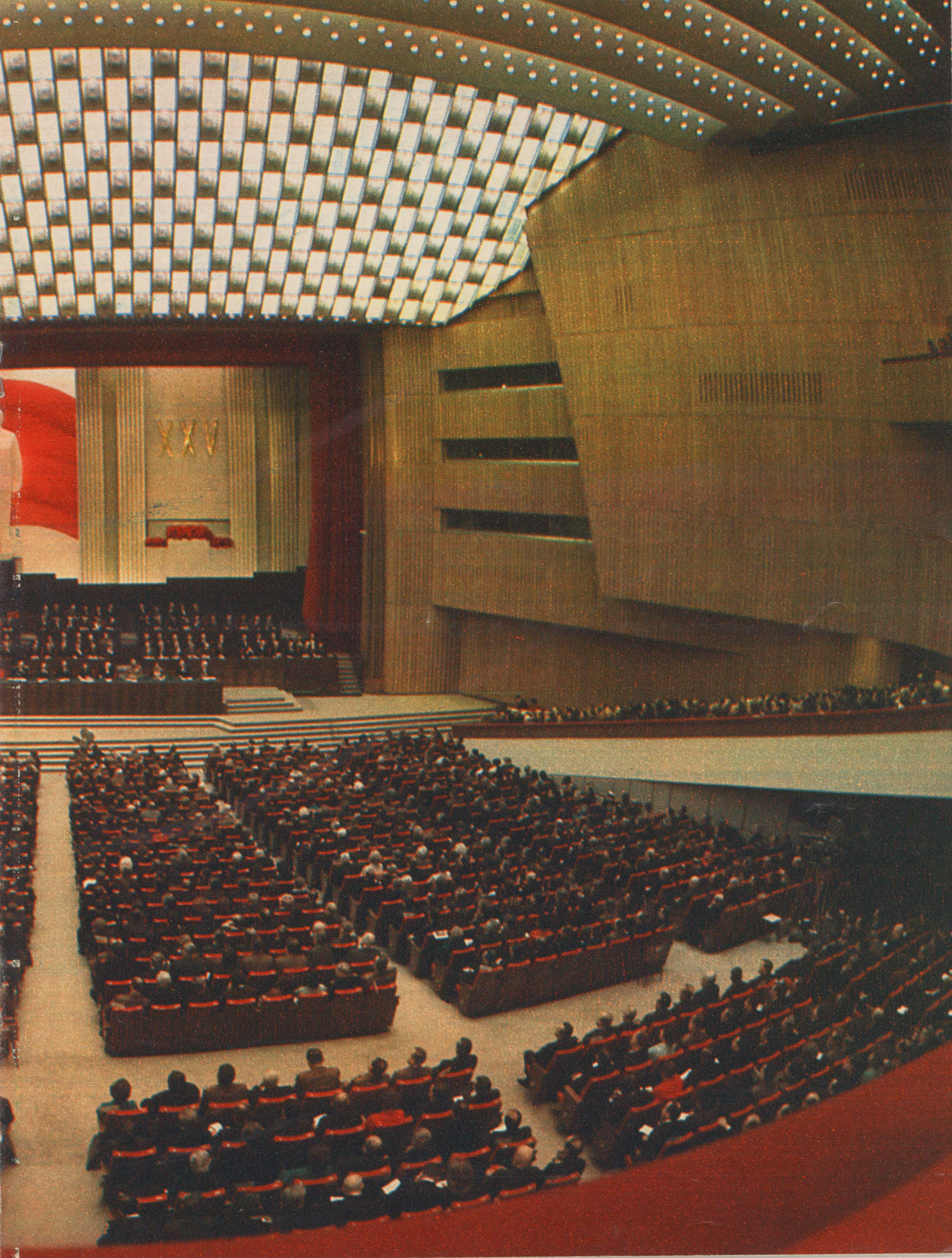
Москва, Кремлевский Дворец съездов. 24 февраля 1976 года. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев выступает с докладом на XXV съезде КПСС.

Голосуют делегаты XXV съезда КПСС.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
В зале заседаний XXV съезда КПСС.

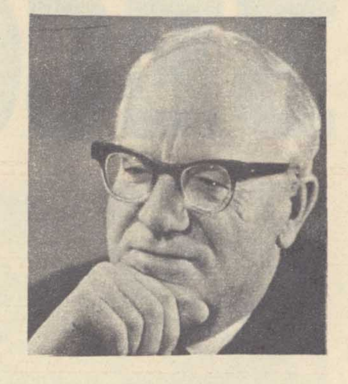
ФОТО ДМ. БАЛЬТЕРМАНЦА, А. ГОСТЕВА.

XXV

XXV
ГОТОВ!

Петрусь БРОВКА

Добрый мир

БУЛЬБА

Признаться, я поклонник бульбы,
Испытанный и давний друг.
Я наградить не преминул бы
Ее за множество заслуг.

Парок над чугунком, над миской.
Еда, которой нет вкусней.
Дух бульбы, с малолетства близкий,
Витал над зыбкою моей.

Крестьянские большие семьи
Садились за дубовый стол.
Подрос я, вровень стал со всеми
И смак в картофеле нашел.

Какая снедь! Всех лучше в мире!
С капустой, с огурцом, с кваском,
Очищенная и в мундире,
В борще и с кислым молоком.

Картофель мятый и печеный,
Тушеный в глиняном горшке.
Ну, а бульбяные драчены,
А клецки в том же молоке!

А с колбасой, с янтарной шкваркой,
С лучком и сельдью — в самый раз!
Рассыпчатый, хрустящий, жаркий
Щедрот картофельных запас.

Без бульбы гостю не уехать,
Потерян угощеньям счет.
Пусть кое-кто уже для смеха
Меня бульбяником зовет.

Люблю картоху молодую
Из летней утренней земли.
Но не забудем и другую —
Ее под осень мы пекли.

Жнивье желтело под ногами,
Уже заскирдовали рожь...
Налет золы и пятна гари
Ножом со шкурки соскребешь.

Трофей на свете самый лучший,
Добытый прямо с уголька.
Дымком овеяны пахучим
Его горячие бока.

Терпи, пока он не остужен,
Бросай с ладони на ладонь...
Ну с чем сравнить ночлежный ужин
И костерка живой огонь!

Ах, бульба, бульба! Вкус желанный.
Тебя — походный быт суров —
Варили в касках партизаны
За неименьем чугунков.

Ты всем по нраву. В праздник, в будни,
И в грозный год, и в мирный час.
Не зря, пожалуй, звался Бульбой
Тот сечевик, лихой Тарас.

Ты в старину из дальней дали
Явилась к нам с чужих широт.
И «яблоком для черта» звали
Диковинный заморский плод.

Но полюбилась ты народу.
А черт... Для шутки скажем так —
Тебя он оценил бы с ходу,
Поскольку все же не дурак.

Ты вышла, бульба, в мир широкий,
Тебя любой отведать рад.
Прими мои простые строки
Взамен торжественных наград.

Твои поля теперь повсюду.
И сердце повелело мне
Тебя воспеть, земное чудо,
С насущным хлебом наравне.

●

Ушачка — малая речушка,
Лесная резвая девчушка,
Сперва струишься ты рывками,
Ты с камня прыгаешь на камень.
Но кончилась пора забав,
Стихают шалости ребячьи —
Певучей девушкою став,
Ты доплываешь до Ушачи.

Волна сливается с волной,
Ушача с Западной Двиной.
И ты вдоль поля, мимо бора,
Войдя в широкий путь речной,
С приморской шепчешься сосной —
Сестра балтийского простора.

Когда слова я подбирал,
Мой стих силенок набирался,
Был, как Ушачка, слаб и мал,
Звенел, и плакал, и смеялся,
Однако постепенно рос
Под сенью сосен и берез.

И все ж я утверждать не стану,
Что он пробьется к океану.

●

Крупу, что смешана с трухою,
Очистить надо. Что ж, на то
Есть у хозяйки под рукою
Испытанное решето.

Тряси его — твои усилья
Ведут к желанной чистоте.
Пшено отделено от пыли,
Блестит, как чудо в решете.

И у поэтов, как известно,
Порой отборное зерно
С трухою, с мусором словесным
Небрежно соединено.

Ни складу нет в строке, ни ладу,
А суть — под слоем шелухи.
Нам тоже решетом бы надо
От пыли очищать стихи.

●

Туманная рань и насупленный вечер,
Вороны пророчат снежок.
И осень ушла, на усталые плечи
Взвалив свой тяжелый мешок.

Зима, остужая и воду и воздух,
На нас устремляет свой взгляд.
Кленовые листья, как рыжие звезды,
На тропках садовых лежат.

А белка, собрав для зимовки орехи,
Спускается ближе к дуплу.
Уже воробьи залетают под стрехи,
И люди стремятся к теплу.

●

Есть у пернатых много кличек.
Одну из птиц в краю своем
Мы за особое отличье
Любовно книгавкой зовем.

Мир — книга вечная, живая.
А эта птица-грамотей
Твердит «ки-ги», оберегая
Свое гнездо, своих детей.

«Ки-ги» — прилежно повторяет,
Пока птенцы спокойно спят,
Как будто по складам читает,
Надеется на аттестат.

В лесу рождаются таланты,
Стезя у каждого своя.
Есть книгавка.
А музыканты
Равняются на соловья.

СЛЕЗЫ

1

Как слезы радости сияют!
Печальных слез, увы, не счесть...
Но и притворные бывают,
Поскольку ложь на свете есть.

Глаза красны от едкой соли
Тех слез, что горем рождены.
В любой из капель горы боли
Мучительно отражены.

Но если плачешь ты от счастья,
Хоть влагою полны глаза,
Светла и добрый мир не застит
Кристально чистая слеза.

Блестит бесценная, святая
Слеза веселья и беды.
Ну, а притворная, пустая
Дешевле даровой воды.

2

Случались личные причины
Для слез моих... Но всякий раз
Я — так ведут себя мужчины! —
Терпел, не увлажняя глаз.

Но если плачет от обиды
Мой друг — мне слез не удержать.
А все ж, не подавая виду,
Я их тайком смахну опять.

●

Зима ко мне крадется хмуро,
Завьюжена, белым-бела.
Но беспокойная натура
Недаром у меня была.

Мне говорят: — Какой горячий!
Пора остыть, солидным стать.
В воде горячей, не иначе,
Тебя купала в детстве мать...

Что ж, я не спорю — мать согрела
Меня на долгие года.
Хоть голова и побелела,
Я к молодым тянусь всегда.

Не уступлю седой метели
Ни жгучих строк, ни жарких дел.
Я не желаю тлеть в безделье,
Пусть лучше скажут: — Он сгорел...

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

Кремлевский Дворец съездов. ● Пионеры приветствуют делегатов XXV съезда КПСС.

Фото Э. Песова, Ю. Абрамочкина, О. Иванова.
Из премированных работ Всесоюзной фотовыставки, посвященной XXV съезду КПСС.

БЕССМЕРТНЫЙ ДЖО

Борис ЗАВАДСКИЙ

Когда приходит Первомай, невольно вспоминается история возникновения этого праздника — дани памяти героического выступления американских рабочих, организовавших в Чикаго 1 мая 1886 года забастовку с требованием восьмичасового рабочего дня и демонстрацию, которая закончилась кровопролитным столкновением с полицией на площади Хэймаркет, в свою очередь, повлекшим фарс суда над руководителями забастовки и их казнь. Этот день с 1890 года стал днем ежегодного смотра сил рабочего класса во всех странах мира, стал международным праздником труда.

Говоря об интернациональном значении первомайского праздника, нельзя не отметить тот факт, что американский рабочий класс формировался из разноплеменных выходцев из различных стран Европы и всего мира. А профсоюзом, сплотившим разноязычных тружеников и унаследовавшим боевые традиции чикагских борцов, была знаменитая в начале века организация Индустриальных Рабочих Мира (ИРМ).

Чикагская расправа послужила с тех пор прецедентом для классового «правосудия» в США во множестве случаев, одним из которых был судебный процесс, инсценированный против Джо Хилла, барда ИРМ, воплотившего в своем лице интернациональный дух трудовой Америки.

Шестьдесят лет минуло со дня узаконенного убийства американского рабочего поэта Джо Хилла властями мормонского штата Юта 19 ноября 1915 года. Его убили за то, что своими песнями он раздувал пламя недовольства у американских рабочих, сплачивая воедино разноплеменных выходцев из разных стран Европы и Азии, разобщенных языками, религиями и нравами.

«Джо пишет песни, которые все поют, которые искрятся, заставляют смеяться, которые разжигают огонь возмущения в самых подавленных душах, возбуждают жажду жизни в сердцах самых безропотных рабов»,— писала 22 мая 1915 года в газете «Солидарити» Элизабет Гарли Флинн, руководившая в то время комитетом спасения Джо Хилла.

Хозяева, считавшие своих рабочих «бессловесной скотиной», интуитивно чувствуют опасность со стороны забастовщиков, которые объединяются не в безмолвной апатии, а смеясь и распевая... Они ненавидят песню, они боятся ее, они с радостью раздавили бы ее!» И они, владельцы медных рудников, объятые страхом перед силой рабочей песни, расправились руками своего классового «правосудия» с создателем боевых песен, мешавших им разгромить забастовщиков. Джо Хилл был приговорен к смертной казни по обвинению в убийстве лавочника, несмотря на отсутствие улик, несмотря на выступления в его защиту сотен рабочих организаций и участников митингов протеста во всей Америке и многих других странах.

«В течение нескольких лет после смерти Джо Хилла,— рассказывает его биограф Барри Стэвис,— о нем было написано немало статей, поэм и песен. Затем опустилась странная завеса молчания... Он начал превращаться в легенду. Этому способствовала чрезвычайно трогательная и красивая песня — «Джо Хилл» — Альфреда Хэйса и Эрла Робинсона *».

«Многие молодые люди,— писала, в свою очередь, Э. Г. Флинн,— представляют себе сейчас Джо Хилла какой-то мифической фигурой вроде Поля Баньяна, легендарного гиганта-лесоруба, способного на фантастические подвиги, потому что они знакомы с ним лишь по песне со знаменитым припевом: «Но я не умер, молвил он. Я жив, сказал Джо Хилл».

И действительно, молодые рабочие в Северной Америке, среди которых был и автор этих строк в тридцатых годах, распевая песни о штрейкбрехере Кэйси Джонсе, о пироге в небесах или бездомном босяке (а без этих задорных песен не обходилась ни одна демонстрация или забастовочный пикет), никогда не думали об авторе, настолько само собою разумеющимся казалось их народное происхождение. Песни Джо Хилла (а теперь мы знаем, что это были именно его песни) всегда отличались особой остротой, сарказмом, иногда нарочитой грубоватостью, иногда язвительностью, но всегда они вызывали духовный подъем у поющих, поднимали их чувство собственного достоинства, пробуждали классовое сознание, ощущение силы в единении, в солидарности, рождали презрение к предателям и штрейкбрехерам, ненависть к хозяевам, поднимали их на борьбу. Примером такой сатирической песни может, в частности, служить наполненная едкой иронией песня «Бродяга», посвященная злоключениям кочующего в поисках работы и куска хлеба и никому, нигде — ни на земле, в царстве капитала, ни богу на небе, ни черту в пекле — не нужного бездомного работяги:

Коль себе заткнете рот,
Я спою вам в свой черед,
Как один молодчик
мучился в беде.
Вовсе не был он лентяй,
Ему работу подавай,
Но один ответ он получал
везде:

«Прочь, прочь, прочь иди, бродяга,

Нет работы никакой;
Если ж будешь здесь торчать,
То в тюрьму пойдешь опять.
Лучше уходи, бродяга,
с глаз долой!»

Он по улицам бродил,
Пока не выбился из сил,
Видит — в доме леди варит
свой обед,
Тут он к ней: «Привет, мадам,
Дров не наколоть ли вам?»
А она ему отрезала в ответ:
«Прочь, прочь, прочь иди,
бродяга...»

Видно, надпись неспроста:
«Потрудитесь для Христа».
Он подумал: «Здесь работу
я найду».
Бил поклоны до земли,
Так, что ноги затекли,
Получил же отповедь, а не еду:

«Прочь, прочь, прочь иди,
бродяга...».

. . . .

Очень плохо шли дела!
Наконец-то смерть пришла,
И взлетел тогда бедняга
к богу в рай.
Но святой апостол Петр
Произвел в дверях осмотр
И сказал ему: «Ко всем
чертям ступай!»

«Прочь! Прочь! Прочь шагай,
бродяга...»

И пошел бродяга в ад —
Не на землю же, назад! —
И сказал уныло: «Дьявол,
отпирай...»
Но воскликнул дьявол: «Стой!
Ты же — мученик святой!
Отправляйся же скорее
к богу в рай!»
«Прочь! Прочь! Прочь шагай,
бродяга...».

Еще при жизни Джо Хилла его песни получили широчайшее распространение и признание как сильнейшее оружие рабочего класса Америки. Об этом рассказали в своих книгах Джон Рид и Уильям Фостер, Большой Билл Хэйвуд и Элизабет Гарли Флинн, бывшие руководителями ИРМ во времена Джо Хилла.

Именно благодаря тому, что он на себе прочувствовал все тяготы жизни рабочего, батрака, бездомного безработного, Джо Хилл сумел создать свои такие осязаемые, острые песни, сумел стать выразителем дум и чаяний американских рабочих, стать их певцом. И действительно, может ли быть более высокая награда для поэта, чем такое широкое, всенародное признание, повсеместное распространение его песен, такая популярность, что сам народ считает их своими собственными, народными!

Что же касается самого имени Джо Хилла, которое я услышал впервые в 1930 году в парке Маунт-Ройял в Монреале, то его мы произносили с благоговением, а чудесная песня-баллада о нем была обязательным атрибутом всех рабочих собраний. Она воспринималась нами как легенда, как сказ о непобедимости рабочего класса, а сам Джо — как его мятежный дух, как бесконечно дорогой и священный символ бессмертия: «Меня убить бы не мог-

---

* Советских людей с нею познакомил Поль Робсон.— **Б. З.**

ли ни петля, ни ружье. Союз рабочих всей земли — бессмертие мое!» Поэтому для моих сверстников и для меня он был существом скорее мифическим, чем реальным человеком. И только десятки лет спустя, из книги Барри Стэвиса «Человек, который никогда не умирал», я, как и многие другие, узнал, что действительно был такой человек во плоти, Джо Хилл, и что задорные народные песни о ничтожном штрейкбрехере Кэйси Джонсе, о пироге в небесах, о наивном рабочем — господине Чурбане, о бродяге и многие, многие другие — это его песни.

Посоветовавшись с Э. Г. Флинн, которая в то время была председателем Компартии США, я перевел и опубликовал записки Стэвиса о Джо и его времени. Товарищ Флинн писала мне: «Странно, что Вы не получили моих писем о Джо Хилле. Быть может, это объясняется любопытством ЦРУ: почему я пишу советскому гражданину! Итак, попробую еще раз. Я очень рада была услышать о книге, посвященной Джо Хиллу, и счастлива, что Вы уделяете ей так много внимания. Материалы Барри Стэвиса заслуживают доверия. Он не коммунист, но либерально настроенный писатель».

Шестьдесят лет минуло, а начавшая было увядать в начале двадцатых годов память о Джо Хилле и песни его с каждым годом привлекают к себе все больше внимания, становятся все более популярными, распространяясь все шире и шире, далеко за пределами США. Джо Хилл продолжает владеть умами и душами миллионов людей труда. О нем написано уже немало, но с каждым годом появляются все новые и новые книги об этом простом, талантливом человеке, о его жизни, творчестве, об инсценированном против него судебном «деле». Джо Хиллу посвящены очерки, записки, статьи, поэмы, исследования, романы, пьесы (в том числе Эптона Синклера), телевизионные радиопостановки (в том числе и в СССР), художественные кинофильмы, снятые в Канаде и Швеции, а в 1970 году известным английским композитором Аланом Бушем (либретто Б. Стэвиса) в столице ГДР Берлине была поставлена опера «Джо Хилл». В Швеции, в его родном городе, в доме, где он родился, создан музей Джо Хилла. В городе Солт-Лейк-Сити был создан мемориальный приют имени Джо Хилла для бездомных.

Благодаря ряду новых статей, опубликованных в 1949 году в шведском журнале «Фолькет и бильд», удалось получить точные сведения о его биографии, узнать подробности его детства.

Джо Хилл родился 7 октября 1879 года в городе Евле, в семье железнодорожного проводника Улофа Хэгглунда, и был назван Йоэлем-Эмануэлем. Это была бедная, богобоязненная семья, воспитанная в традициях законопослушания и покорности власть имущим. В ней росло шестеро детей. Йоэль был третьим. От отца, музыканта-самоучки, дети унаследовали музыкальность и с самого раннего возраста учились играть на различных инструментах. Йоэлю исполнилось 8 лет, когда отец умер от увечий, полученных на работе, и семья впала в крайнюю нужду.

Мать Йоэля, Маргрита-Катрина, стала катальщицей чужого белья, но заработок ее был столь ничтожным, что даже с помощью благотворительных пожертвований она не могла прокормить и одеть семью. Поэтому, достигнув десятилетнего возраста, дети оставляли школу и начинали работать. В 10 лет и Йоэль стал чернорабочим на канатной фабрике, а позже — кочегаром на лесопилке.

В 18 лет Йоэль заболел кожным и суставным туберкулезом. Болезнью было поражено запястье правой руки. У Йоэля самым любимым инструментом была скрипка. Не будучи в состоянии держать смычок в руке, он просил сестру привязать его к больному запястью и так, превозмогая боль, играл. Подолгу оставаясь без работы из-за болезни, он начал писать песни. Сначала это были шуточные куплеты для семейного круга. За ними последовали насыщенные мрачным юмором, язвительные песни, зачастую на мотивы, услышанные в молельне благотворительной «Армии спасения». Постепенно Йоэль самоучкой овладел нотной грамотой. Его здоровье долго не улучшалось, и в 1900 году он отправился в Стокгольм, где прошел курс рентгенотерапии, одновременно зарабатывая себе на пропитание продажей газет и любой подвернувшейся работой. Однако состояние Йоэля ухудшалось, и, наконец, он был принят в больницу, где пролежал почти полгода. Но письма, которые присылал домой этот больной и страдавший от нищеты юноша, как вспоминает его сестра, были полны огромной любви к жизни и даже радости.

В январе 1902 года умерла мать Йоэля. Семья распалась. Дети продали дом и разделили деньги между собой. Получив свою долю, 23-летний Йоэль вместе со старшим братом Паулем вскоре эмигрировал в США. Прибыв в Нью-Йорк, не найдя другой работы, Йоэль некоторое время работал в таверне: днем убирал помещение, вечером играл на пианино.

Как и многие другие иммигранты, вскоре Йоэль (чье имя по-английски произносили «Джоэл») переменил свое имя на более доступное произношению американцев — Джо Хилл (или, полностью,— Джозеф Хилстром). По другой версии, Йоэль Хэгглунд сменил имя ввиду занесения его в «черные списки» в Чикаго, куда он переехал из Нью-Йорка. Здесь он работал на машиностроительном заводе и был уволен за попытку организовать забастовку. Через год вместе с тысячами других безработных, кочующих из города в город, Хилл «зайцем» на товарных поездах отправился на Запад. Еще десять лет он работал батраком на фермах, рудокопом, лесорубом, землекопом, был рабочим на сталелитейных и машиностроительных заводах, сборщиком фруктов на плантациях Калифорнии, матросом. И везде писал стихи и песни, пародии.

Работая докером в Сан-Педро, в Калифорнии, в 1910 году он вступил в ИРМ. Там же в 1911 году он стал секретарем забастовочного комитета портовых рабочих. Именно тогда он написал своего «Кэйси Джонса — штрейкбрехера», чтобы помочь бастующим железнодорожникам, среди которых оказались провокаторы. Эту песню, размноженную на обрезках цветного картона размером с игральную карту (удобно носить в кармане!), подхватили моментально. Ее распевали в пикетах, на митингах забастовщиков и даже в тюрьмах.

Только в шестидесятых годах благодаря свидетельствам очевидцев удалось установить, что Джо Хилл, кроме активной работы в ИРМ в США и участия в революционных событиях в Мексике, участвовал и в крупнейшей забастовке в Канаде в 1912 году, на строительстве Канадской Северной железной дороги в Британской Колумбии. И именно там, на месте событий, написал он свою знаменитую песню, которую канадские рабочие так полюбили, что поют и ныне,— «Где течет Фрэйзер-река».

1905—1914 годы были в США годами тяжелого экономического кризиса. Безработица во всех отраслях экономики охватила 36 процентов трудящихся. В 1908 году при официально установленном прожиточном минимуме в 800 долларов в год (необходимых, чтобы прокормить семью) половина рабочих, отцов семейств, зарабатывала менее 600 долларов, а четверть — менее 400 долларов. Миллионы безработных кочевали по стране в поисках работы. Свобода слова, необходимая для вовлечения рабочих в профсоюз, попиралась промышленниками с помощью властей и полиции. В 1912 году Хилл активно участвовал в выступлениях за свободу слова в Сан-Диего (Калифорния), где проявил себя самоотверженным и бесстрашным бойцом и талантливым рабочим вожаком. Поэтическая и музыкальная одаренность помогала Джо организовывать уличные митинги. На таких митингах Хилл знакомил рабочих со своими новыми песнями. Когда в 1913 году Джо Хилл приехал в Солт-Лейк-Сити, рабочие на медных рудниках работали по семи дней в неделю и по 10—12 часов в день. Хозяева предприятий всячески поддерживали расовую неприязнь между рабочими разных национальностей, а полиция разгоняла рабочие собрания. Под руководством ИРМ рабочие здесь, как и по всей стране, вели ожесточенную борьбу за свободу собраний, свободу слова.

Песни Джо Хилла сплачивали. По словам очевидца, «поразительный подъем и энтузиазм... охватывали людей различных национальностей на митингах забастовщиков, когда они переходили на общепонятный язык песни». Хилл своими песнями собирал внушительную толпу слушателей, разжигал их энтузиазм, а затем уступал трибуну другим ораторам, которые пропагандировали идеи ИРМ, идеи единого, всеобщего (а не преобладавшего в то время в Америке цехового) рабочего союза. Это разрушало планы хозяев рудников. Для поддержания угодных им порядков в городе начались аресты активистов ИРМ. 13 января 1914 года по обвинению в убийстве лавочника был арестован и Джо Хилл, хотя во время убийства был далеко от места происшествия.

Находясь в тюрьме и понимая, что ему грозит смерть, Джо проявлял поразительное мужество и твердость духа. До последней минуты он продолжал служить рабочему классу своими песнями. Он требовал, чтобы ИРМ не тратил денег на его защиту, так как они нужнее для организационной работы.

За несколько часов до казни он написал стихотворное «Завещание».

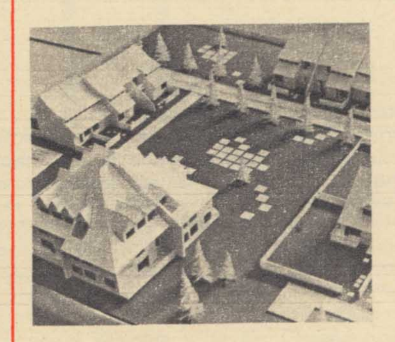
Известный американский поэт Карл Сэндберг в своем сборнике американских народных песен говорит: «Джо Хилл был королем поэтов-песенников ИРМ и является единственным создателем песен, повсеместно распеваемых в боевых когортах рабочего движения Америки».

Ральф Чаплин, редактор изданий ИРМ того времени, так характеризовал песни Джо Хилла: «Они грубые, как домотканое полотно, и тонкие, как шелк; полные живого смеха и острой сатиры, благородной ярости и утонченной нежности; незатейливые, убедительные и возвышенные; песни рабочего и для рабочего, написанные на понятном ему языке и положенные на музыку собственного сердца Джо Хилла».

Прошли десятилетия, но и сегодня, как сказал американский писатель Ф. Стивенсон, «колонны ведет Джо Хилл...». Его песни поют рабочие, борцы за гражданские права. «Пример Джо Хилла, как и полвека тому назад, вдохновляет молодежь, учит ее стойкости и мужеству».

Хозяева Америки, убив Джо Хилла, не сумели убить его дух, его песни, которые всей своей неодолимой силой продолжают служить рабочему классу.

на весенней орбите

Фрагмент одного из дипломных проектов. Фото И. Романова

НАВСТРЕЧУ ТЕПЛУ И СОЛНЦУ

Строгий рационализм и юношеская фантазия! Рационализм — потому, что авторы работ отчетливо представляют себе возможности строительной индустрии. Кроме того, они «привязали» свои проекты к конкретным местам, будь то новый район Москвы или заволжское село, что в Нечерноземной зоне... Фантазия? Какое без нее творчество! А эта выставка — творческий отчет выпускников Московского архитектурного института, прославленного вуза, давшего стране много крупных зодчих.

Вот, например, центральная усадьба совхоза в Заволжье. Студентка И. Богомолова, а вместе с ней и руководители диплома — профессор М. Лисициан, доцент З. Петунина, конструктор Б. Вознесенский — предлагают жилую часть совхоза разместить на берегу реки. Стоят красивые дома, смотрят на юго-запад, навстречу теплу и солнцу. Три типа домов — для любой семьи. В центре поселка — общественные здания, школа. Близко и до парка и до реки.

— Это лирика, — замечает один из сотрудников института. — Но для нас важно то, что она «замешана» на четко продуманной основе: все дома, выражаясь языком архитекторов, разработаны на одном конструктивном шаге. А такие здания проще возводить.

...Проекты таксомоторного парка, аэропорта, плавучей электростанции, завода ферросплавов, реставрации одной из улочек в центре Москвы — это все темы дипломов.

Я обращаюсь к видному архитектору профессору И. Е. Рожину и прошу его коротко сказать о выставке.

— Рабочее название выставки — «Диплом-76». Представленное позволяет отчетливо проследить три основные темы: Олимпиада-80, Нечерноземная зона и Москва — город, за образцовое состояние которого и молодые архитекторы хотят нести ответственность. Много интересных, значительных работ. Искренне поздравляю молодых коллег.

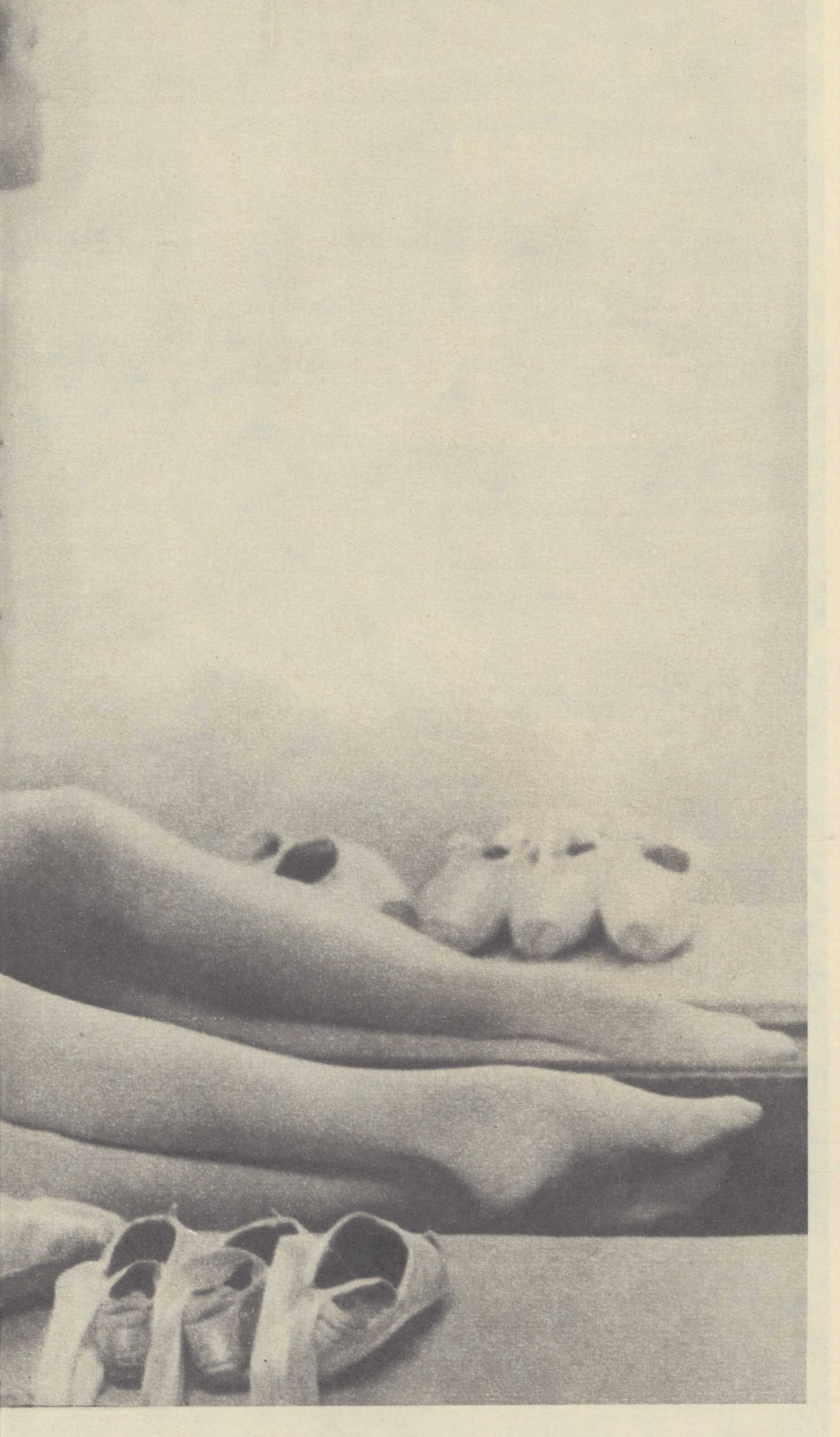
К. ТАНИН

на весенней орбите

БОЛЬШОМУ ТЕАТРУ СОЮЗА ССР — 200 ЛЕТ.

КАК СТАТЬ БА

ЛЕРИНОЙ

Ольга САХАРОВА,

фото А. МАКАРОВА

Пять часов вечера. Около служебного подъезда Большого театра еще не толпятся поклонники с восторженными похвалами, цветами, записками... Один за другим входят сюда артисты, музыканты. Буднично, по-деловому. Люди идут работать.

Она привычным движением оттягивает массивную дверь, достает из объемистой сумки пропуск. Но среди общих приветствий вахтер дарит ей сегодня особое, с улыбкой: «Здравствуй, Людочка! Желаю успеха». Слышит она это и у лифта, у входа в уборные; неписаный закон театра гласит: у тех, кто сегодня главный, должно быть хорошее настроение. А Людмила Семеняка через два часа станет на сцене Фригией, героиней балета «Спартак».

...Пять одинаковых столов, пачки, висящие над зеркалами, тишина, порядок — обычная артистическая уборная. Только около одного зеркала желтеют венчики свежих нарциссов, прозрачные в ярком свете уже включенных ламп. Следом за Людой входит гример.

— Валечка, это, конечно, от тебя цветы?.. Спасибо. Красивые.

— Ладно-ладно. Давай подберем тон.

Начинается работа. Чувствуется, что Валя Жабокрицкая помнит наизусть не только все спектакли: она знает, каким будет именно **этот** артист в **этой** роли, поэтому так кропотливо подбирает вместе с балериной цвет каждого штриха на лице.

— Валечка, давай сделаем брови резче. Пусть буду некрасивая, но должна быть печать страдания, боли.

— Хорошо. Все. Теперь волосы. Стягивай туже, а то в адажио партнеру будут мешать.

Заходят друзья: «Люда, как вчера прошел концерт?..» Зовут к телефону... Костюмер спрашивает, когда одеваться. Никакой спешки.

Время идет к семи. По радио называют то одну, то другую фамилию: готовиться к выходу. Людины фразы становятся все короче:

— Закройте дверь. Не зовите меня к телефону.

Голос суше, движения резче. Молча зашивает туфли, молча делает экзерсис — разогревается. Спокойно, без улыбки идет к кулисам. Встает в группе «рабынь», проверяет носок, ждет выхода. Такая же, как все...

Особенной, отдельной делает актрису сцена. В общей массе человеческого горя ее горе кричит громче. В закинутой руке, в падающем надломе фигуры — стон отчаяния, боли. Рядом со Спартаком не просто любимая женщина, а его душа, плачущая в неволе... Фригия приникает к любимому, ища в нем опору, отдавая ему свою нежность. И когда отрывают от нее Спартака, когда она в ужасе хочет вырваться из страшных лап мимов — в ее беззащитности и слабости звучит пронзительная сила отчаяния.

Потому порыв Спартака к свободе — это порыв и к Фригии, его душе и его любви. Когда он находит свою подругу, их танец становится песней выстраданного и обретенного на короткий миг счастья; голос Фригии в нем нежен и чист. Героиня Семеняки чутко отзывается на каждое движение Спартака. Мощный, мужественный его танец она оттеняет легкостью, мягкой женственностью пластики Фригии.

Предчувствие беды и щемящую сердце тревогу за любимого танцует балерина, открывая смелое сердце в избраннице героя. И приводит ее к реквиему. Не рабыней, растоптанной смертью Спартака, а символом Свободы, оплакивающей своего героя, становится Фригия.

Помню, четыре года назад после блестящего дебюта в «Лебедином озере» Люда сказала: «Хочу танцевать. Как можно больше танцевать. Особенно Фригию». Тогда это прозвучало дерзко и довольно легкомысленно. Уж слишком хорошенькой была она со своими глазищами, сверкающими юным восторгом; уж очень трогательно-добрыми, «розовыми»

были ее Маша в «Щелкунчике», Аврора в «Спящей красавице». Да и Одетта покоряла больше всего свежестью и чистотой души. Конечно, можно было за теми словами видеть всеподчиняющую самоуверенность молодости. Прямо скажем, основания для нее у Людмилы были: еще училище не закончила, а уже стала лауреатом I Международного конкурса артистов балета в Москве, потом получила вторую премию на Всесоюзном конкурсе.

В Ленинграде на выпускном экзамене только и разговоров было, что о Семеняке. Техника — без сучка, без задоринки. Внешние данные — любая киноактриса позавидует. А главное, в каждом движении — танец, музыка. И откуда только взялось в ней столько изящества, грации?

Наверное, никто в трудовой, типично ленинградской рабочей семье не думал, что их фамилия заблистает на афишах Большого театра, а чехи, американцы, японцы будут перекраивать на свой лад трудную фамилию нашей новой балетной звезды. Вот уж действительно на роду было, видно, написано. Недаром Людмила танцевала чуть не с пеленок, ломала подошвы твердых спортивных тапочек, стараясь устоять «на мысочках»; недаром с первых дней в школе ни один праздник не обходился без ее выступления... Только в хореографическое, только танцевать!.. Ее упрямство победило даже суровые отцовские сомнения.

Если проследить беглым взглядом недлинную еще биографию Людмилы — сплошная улыбка судьбы! Успех, слава буквально с первых шагов. В Большом — сразу премьерские партии. Уланова взяла в свой класс! Танцует почти весь репертуар; в Америке на гастролях стала сенсацией. В Японии на международном балетном конкурсе вместе с золотой медалью получила премию имени Анны Павловой Французской Академии танца. Вернулась в Москву, а здесь новая радость: премия Ленинского комсомола. Просто каскад побед! И так ей легко, весело. В театре всегда мила, кокетлива — просто любимица Фортуны!..

Только Маша ее в «Щелкунчике» стала другой: и открытость будто в ней осталась, и глаза лучатся счастливо, как тогда, в пятнадцать лет, и танцует легко, по-юному радостно. Но в финале, когда вот-вот сдвинется занавес, вдруг чувствуешь, что образ этот — предыстория какой-то большой, необычной жизни. Невольно протягиваешь ниточку от этой детской судьбы к Авроре, Одетте, даже Жизели, Ширин в «Легенде о любви». И даже к трагической Фригии. Все, что наметила балерина Людмила Семеняка в характере Маши, неизбежно должно было взрастить натуру героини — натуру незаурядную, яркую.

И теперь мы встречаемся с ней в каждой роли Людмилы.

«Лебединое озеро» Чайковского, Одетта и Одиллия. Помните того чудно трепетного Лебедя, что танцевала Семеняка в первых своих спектаклях, что трогал нас своей юной незащищенностью, хрупкостью? Сегодня это уже другой образ, с другой судьбой. С первым появлением Одетта выносит на сцену мотив тревоги, затаенной трагедии. Адажио с Принцем — это рассказ не о том, как обратили девушку в птицу, но о раненом ее человеческом сердце. В певучей плавности движений все время пульсирует тема неумолимого, столь характерного для композитора, трагического рока. Балерина танцует музыку, будто завершая звуки в движении, расшифровывая мелодию в танце. Такая печаль. Такое желание — и боязнь — поверить в добро, в избавление...

Одиллия — Семеняка, ошеломляя головокружительной смелостью танца, зачаровывая вкрадчивой властностью, становится словно символом разрушительной силы красоты, обращенной во зло. Но ее Одетта должна была познать и это зло, чтобы найти в себе силы для борьбы за любовь. За право сбросить чары. Отчужденная «лебединость», замкнутость заполняются в последнем акте силой протеста. Семеняка «очеловечивает» Одетту задолго до счастливого финала, наделяя образ высоким пафосом.

Да, Людмила изменила свою Одетту. Мне кажется, так же она меняет себя. Именно сама меняет, а не череда жизненных ситуаций, где внешне все — успех. Балерина заставляет его приходить к ней, этот успех.

Надо долго знать ее и долго быть рядом, чтобы вдруг открыть, что и веселье и обидчи-

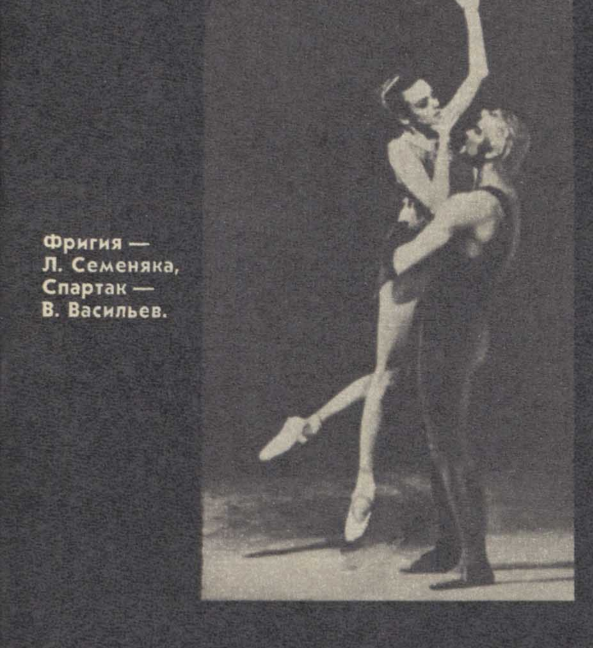

Перед выходом на сцену. Последние замечания Галины Сергеевны Улановой.

«Спящая красавица». Аврора — Л. Семеняка.

Новую партию балерине показывает главный балетмейстер Большого театра Ю. Н. Григорович.

Фригия — Л. Семеняка, Спартак — В. Васильев.

Репетиции закончились. Л. Семеняка и М. Лавровский.

вость есть приметы настроения, а не характера. Что за ними — натура цельная, с напряженной внутренней жизнью, с какой-то почти фанатичной бескомпромиссностью в отношении к самой себе.

Иногда кажется, эту свою цельность она все время мнет, лепит тонкими и сильными руками балерины, стараясь придать ей форму, которая видится в идеале. Если бы это было легко! А то ведь так адски тяжко, да еще в двадцать четыре года, когда то, что узнал, впитал сегодня, порою напрочь ломает выстроенное вчера. А талант требует новой пищи, нового осмысления каждого шага, движения: у него ведь нет раз и навсегда установленных канонов.

— Не могла я не быть актрисой. Не училась бы балету — стала бы драматической. Для меня сцена — все. Говорят, трудно преодолеть ее барьер, но для меня не было никакого барьера, даже в училище. Иногда садишься гримироваться, а внутри все требует: скорей, скорей танцевать! Кажется, так и выбежала бы без грима, только чтобы настроения не потерять.

«Настроение», «состояние» — для артиста в этих словах заключено нечто труднообъяснимое. Для Людмилы по «состоянию» труднее всего «Жизель», хотя сейчас она уже признана одной из лучших исполнительниц этой партии в Большом театре. Неподдельная искренность, глубина переживаний в первом акте, воздушная трагическая «сильфидность» во втором — все будто бы выверено, отделано. Но нет:

— Бьюсь, бьюсь над Жизелью... Кажется, вот нашла, тяну ниточку... И вдруг на какой-то миг прерывается. После спектакля хвалят, поздравляют, а у меня тот обрыв, как гвоздь в сердце.

«Настроение», «состояние» в балете — это роскошь, которая доступна лишь тому, кто на спектакле уже вовсе не думает о технике. Неумолимо, каждый день артист крутит туры перед зеркалом репетиционного зала, чтобы точно выверить опору. Десятки раз летит в жете, чтобы проверить, не провисает ли колено...

А если рядом Уланова, которая замечает все, каждую погрешность, какую ни одно зеркало не покажет? И тихо, спокойно скажет: «Опусти плечо, повтори. Начни вариацию. Так, так, хорошо. Нет, нагрузи вот эти мышцы. Повтори сначала. Опять не то. Еще разочек. Теперь локоток прижала. Давай опять сначала». И у Люды каждый раз, как только стала в позу, улыбка на лице, образ. А потом тупые, стертые носы атласных туфель в стороны — кисти обхватили колени, спина согнута, голова опущена, ртом заглатывает воздух — спринтер после финиша. Пауза. Вдруг вспомнила, говорит с придыханием: «Галина Сергеевна, мне девятого еще «Спартак» поставили». «Ну что ж, станцуешь «Спартак». И все так же тихо: «Отдохнула? Теперь вариацию из «Спящей». Что-то ты там мазала». Арабеск, улыбка, сияющие глаза — все сначала. Работа.

Уланова — мастер. Она видит то самое «чуть-чуть», которое и делает танец искусством. Потом начнется другая репетиция, где уже нельзя будет отвлекаться на локотки, на мышцы, а нужно выстраивать образ. Завтра все сначала...

И вот вылетает на сцену Ширин, спасаясь от погони. И живут в ней нежность и мольба, страсть и отчаяние. Танец ее сплетает узор из поддержек и стремительных вращений, взрезающих воздух прыжков и мелких шажков па-де-бурре. На сцене — балет...

А потом, после аплодисментов, поклонов, цветов, летящих с галерки, криков «Браво, Семеняка!» возвращается она в полную теперь беспорядка и цветов уборную; развязывает туфли, где только угадывается их былой розовый блеск, накидывает на плечи, влажные от пота, халатик и медленным, каким-то разбитым жестом, обмакнув клок ваты в вазелине, снимает грим... Хочется домой... Там они сядут втроем: балерина Людмила Семеняка, ее муж — премьер Большого театра Михаил Лавровский, его мать, Елена Георгиевна Чикваидзе, двадцать пять лет танцевавшая на той же сцене. И будут пить горячий-горячий чай, обсуждая в мельчайших деталях сегодняшний спектакль. Будут хвалить и ругать ее по праву самых близких людей.

Завтра ей надо будет сделать следующий шаг вперед.

Павел **БОГДАНОВ**

Живая вода

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Идут, идут к могилам братским,
В лицо бессмертия взглянуть,
И я на костылях солдатских
Поднялся к Вечному огню.

Взошел я на курган не плакать.
Ведь нашим воинам он стал
И не Голгофой и не плахой —
Он их отваги пьедестал!

Он устоял пред вражьей силой,
Курган — солдат!
Курган — герой!
А раны Волга-мать омыла
Ему своей живой водой.

В МЕТРО

В метро, что на проспекте Мира,
Покупками нагружена,
Замешкалась средь пассажиров
Седая женщина одна.

Людской поток спешит, кипучий!
Студент
С эмблемой МГУ
Ее учтиво взял под ручку:
— Позвольте, я вам помогу.

Не бойтесь, это эскалатор.
Смелее, бабушка, смелей! —
И парень женщину галантно
Довел почти что до дверей.

А «бабушка» пошла сторонкой
И улыбнулась чуть хитро:
Она,
Когда была девчонкой,
Как раз и строила
Метро!

СТАРЫЕ БОЛЬШЕВИКИ

Многие из них — пенсионеры.
Но в строю, в запасе ль старики,
Будут всем нам навсегда примером
Старые большевики.

Ты всмотрись, потомок, в эти лица,
Помни, чьи мы внуки и сыны.
Жизнь любого — это ведь страница
Славной биографии страны.

Ленинская гвардия! И в каждом
Нам невольно видятся черты
Ленинского памятного взгляда,
Прямоты его и простоты.

Жизнью их и жизнь свою вы мерьте,
Чтобы наша Родина цвела.
Мы продолжим их. А их бессмертье —
Это их бессмертные дела!

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Анатолий **ИВАНОВ**

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Во второй книге романа «Вечный зов» автор продолжает рассказ о судьбах главных героев, описанных им в первой книге, удостоенной Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького. Читатели вновь встретятся с секретарем райкома Кружилиным, семьей Савельевых, Алейниковым и другими. Писатель показывает широкую панораму жизни страны в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы.

Мы начинаем печатать главы из второй книги романа «Вечный зов», которая будет опубликована полностью в журнале «Москва» в этом году.

Война шла уже почти два полных года...

14 апреля был ледолом на Громотухе, на реке ворочались, сверкая синими боками, тяжелые, разбухшие от солнца и воды ледяные пластины, толкались, терлись друг о друга, как бараны на узкой дороге, и медленно ползли вниз.

Весь день светило не по-весеннему горячее солнце, в синем, уже очень глубоком небе весело сияли неприступные утесы Звенигоры. Временами то одна, то другая каменная громада вдруг нестерпимо вспыхивала бело-голубым огнем, сыпала во все стороны искрами. Было такое впечатление, будто в недрах молчаливой Звенигоры постоянно бушует яростный огонь, горячее пламя проедает каменные стены то в одном, то в другом месте и со свистом вырывается наружу. И лишь из-за расстояния свист этот не слышен.

Поглядывая на эти сверкающие вершины, на залитые солнцем мокрые еще, пустынные и унылые пашни, по дороге из Шантары в Михайловку ехал председатель райисполкома Иван Иванович Хохлов.

За год с небольшим работы в исполкоме Иван Иванович сильно похудел, всякая одежда на нем болталась, словно была с чужого плеча. Круглые щеки опали, даже когда-то полные и розовые, как у ребенка, губы сейчас одрябли, обесцветились. И лишь круглые глазки смотрели на мир все так же по-ребячьи весело и неунывающе.

Председатель райисполкома ехал в «Красный колос» для того, чтобы в последний раз уточнить колхозный план хлебосдачи на нынешний год, глубоко в тайне имея мысль: нельзя ли колхозу этот план на пятьшесть сотен центнеров увеличить? Думать об этом Хохлову было тяжело, ибо он понимал: никакое увеличение хлебопоставок колхозу не под силу. В прошлом году «Красный колос» снова сдал государству хлеба больше всех в районе, вывез на шантарский пункт «Заготзерно» все, что было выращено, до последнего зернышка. И хотя злые языки в районе глухо поговаривали — не до последнего, умеет, мол, Назаров и на хрен сесть и рыбку съесть, Ивану Ивановичу было известно: на трудодень михайловским колхозникам прошлой осенью было выдано всего по двести граммов ржаных отходов да немного фасоли. Хохлов своими глазами видел, что люди жили в основном на картошке, а в жалкие крохи серой, как дорожная пыль, муки из отходов подмешивали ту же картошку, семена лебеды, тыквенную мякоть. Хлеб из такой муки получался тяжелым, как кирпич, мокрым, горьким на вкус.

Для этого окончательного уточнения плана хлебосдачи Иван Иванович мог вызвать Назарова, как и других председателей колхозов, в райисполком, но делать этого не стал: Панкрат Григорьевич за прошедшую зиму сделался очень плох, кашель душил его насмерть. Несколько раз Иван Иванович и Кружилин заговаривали с ним об отправке на лечение, но Панкрат лишь усмехался невесело и говорил:

— Какая меня больница теперь вылечит? Вот до лета доживу, барсучье сало буду пить. Ничего, оклемаюсь.

Въехав в Михайловку, Иван Иванович поразился, как скоро обветшала без мужицкой руки деревушка: покосились, а кое-где упали плетни и заборы, прохудились соломенные повети, во многих домах покривились расшатанные ветром ставни. И как за два военных года обносились люди — все дети бегают в сплошном рванье и босиком, несмотря на то, что земля очень холодная, а в затененных местах просто стылая.

Иван Иванович несколько раз бывал в Михайловке, многие знали его в лицо, и он знал многих, хотя не мог запомнить всех имен или фамилий. Поздоровался с ним какой-то старик, гревшийся на припеке у завалинки. За плетнями, на огородах, копошились женщины и подростки, очищая землю от прошлогодней ботвы, кое-где огороды уже вскапывали. Некоторые женщины, когда Хохлов проезжал мимо, прекращали работу, выпрямлялись и тоже здоровались.

Взрослые были одеты не лучше, чем дети, — в обтрепанные, измызганные одежонки, в залатанные кофты и юбки. Вся эта обветшалость, эта бедность, почти нищета зимой не так бросалась в глаза, но стаял снег, сняли люди полушубки да фуфайки, сразу выперла, мозолила глаза, и ничего нельзя было с ней поделать — за последний год для продажи населению не отпускалось ни метра мануфактуры, ни пары сапог или ботинок, ни килограмма гвоздей. Те жалкие крохи товаров, поступающих в район, направлялись в магазины заводского ОРСа. Зато завод работал, выпускал снаряды и минометы...

Подъезжая к колхозной конюшне, чтобы оставить там лошадь, Иван Иванович обратил внимание, как заполошно кричат играющие на солнечной полянке ребятишки. Он вспомнил, как приветливо поздоровался с ним сидящий у завалинки старик и женщины из-за плетней. Да, одеты все были плохо, но человеческого уныния не чувствовалось, голодных глаз, изможденных от недоедания лиц, как во многих других деревнях, Иван Иванович в Михайловке не заметил. Это одновременно и радовало и порождало неприятную тревогу: а вдруг да в этих разговорах о Назарове есть какая-то доля истины? Вдруг да наловчился этот мужичок утаивать хлеб от государства? В такое-то время!

— Здрасте! Распрягать, что ли? — услышал Хохлов ломающийся мальчишеский басок и очнулся от задумчивости. Коробок его стоял уже возле конюшни; невысокий, начинающий раздаваться в плечах подросток, с уже по-мужицки широкими, крепкими ладонями, держал лошадь под уздцы.

— А-а, Володя Савельев! — узнал его сразу по серым глазам, по белесым, давно не стриженным волосам Иван Иванович. — Распрягай и покорми жеребчика... Ну, как живете, Володя? Мать как?

— Ничего живем... — Володька отпустил чересседельник, развязал супонь, ловко отстегнул гужи, вывернул дугу, бросил на землю одну оглоблю, другую. — Мать в амбарах с семенами возится. Ничего, все здоровы.

О. Савостюк. Род. 1927, Б. Успенский. Род. 1927. ХУДОЖНИКИ РЕВОЛЮЦИИ (В. Маяковский, М. Черемных, И. Малютин).

П. Оссовский. Род. 1925. СЛОВАЦКАЯ ДЕВУШКА.

— Отец-то пишет?
— Было письмо на благовещенье.
— Когда, когда?
— Да в конце марта, говорю.
— Ты уже и религиозные праздники знаешь?
— А кто же их в деревне не знает? — проговорил старый Петрован Головлев, выходя из конюшни с вилами в руках. — Здоров живешь, Иваныч!
— Здравствуй, Петрован Никифорыч.
— Письмо на благовещенье по женским приметам — благая весть, значит, — продолжал старик. — И-их, что тут было после этого письма, сколь разговоров! Худо-бедно, мол, а цельный год, до другого благовещенья ни огонь, никакое железо Ивана теперь не возьмет...
Он прислонил вилы к стенке конюшни, вздохнул:
— Бабье-глупье, а легше им с ихними приметами.
— Здоровье-то как, Петрован Никифорыч?
— А чего нам, бывшим петухам? Курочек теперя не топчем, здоровье и сберегается.
Володька Савельев уже распряг лошадь, увел в конюшню и там покрикивал на нее, водворяя в стойло. По-прежнему пекло солнце, Головлев, присев у стены на корточки, свертывал папиросу.
— Да я вот вижу: у вас все здоровы и сыты, — промолвил Хохлов. — В других колхозах, мало сказать — хуже. Голодают люди.
— В других, — усмехнулся Головлев, слюнявя папиросу. — В других и председатели другие. А наш-то Панкрат Григорьич...
Эти слова будто прокололи сердце Хохлова, оттуда заструилось что-то кислое, холодное, во всей груди стало пощипывать.
— А что он... ваш? Чем же от других отличается?
— Ну, он что... Сам подыхает, а людям не дает. Бабенки наши говорят: скончается — памятник ему поставить надо...
— За что?
— Дык за что человеку памятник ставят? За душу его человеческую.
Иван Иванович зло глянул на палящее солнце и начал старательно, на все пуговицы застегивать истрепанное демисезонное пальто, будто ему стало холодно.
— Душа-то у людей разная бывает, Петрован Никифорович, — промолвил он с горьковатой усмешкой. — То есть человечность эта разное содержание имеет...
Старик поднял голову, поглядел на председателя райисполкома пристально, долгим, пронизывающим взглядом. Глубокие морщины вокруг глаз его были неподвижны, а потом шевельнулись. И он тут же опустил дряблые веки с редкими, выцветшими за долгую жизнь ресницами.
Потом Головлев некоторое время молчал. Он все сидел на корточках, выгнув спину, чуть свесив голову в скатавшейся овчинной шапке, обнажив старческую, вдоль и поперек изрезанную глубокими бороздками шею. Глядя на эту шею, на всю фигуру старика, Хохлов вдруг подумал, что Головлев этот не так прост, как кажется с первого взгляда, что проницательности ему не занимать, он догадался о его подозрении относительно Назарова — и вот обиделся за своего председателя. Но ведь такая обида тоже несправедлива! И Головлев и многие другие колхозники могут защищать своего председателя, исходя из сугубо эгоистических интересов, именно за то, что тот, как поговаривают, наловчился утаивать от государства какую-то часть урожая и тайно делить его потом меж колхозниками.
— И за что ему судьбина такая? — качнул головой старик. — Полипов, прежний председатель райисполкома, этак же напраслины всякие возводил на Панкрата! Ты вот новый начальник — и тоже... Всяким злобным разговорам про Назарова, выходит, веришь?
— Я, Петрован Никифорович, не то чтобы верю...
— А вот коли дуролом какой над народом стоит, так на него у тебя подозрениев нету?
Головлев зло плюнул на недокуренную самокрутку, сунул ее за козырек шапки и поднялся.
— Сытый, говоришь, народ у нас в колхозе? Так это что, в злость тебя кидает? Ты песенки бы, что ли, веселые пел, если бы народ и у нас с голодухи запух? А хлеб для фронту кто сеять бы стал?
— Да ведь сытость сытости рознь! — прикрикнул Хохлов и покраснел, чуть отвернулся. Иван Иванович всегда краснел и смущался, когда приходилось резко говорить с людьми. И прибавил уже опять мягко, виновато: — Сытость-то, Никифорыч, по-разному ведь можно, как бы это выразить... обеспечить.
— Вот-вот! — встрепенулся старик. — Именно...
Головлев шагнул к стенке, взял свои вилы и проворно обернулся, будто хотел с этими вилами броситься на председателя райисполкома. Но воткнул их рожками в землю, обе заскорузлые ладони положил на конец черенка, уперся в руки подбородком, заросшим сивыми волосенками.
— Вот что обрисую я те, мил человек... — Он глядел не на Хохлова, а куда-то на Звенигору, на взметнувшиеся в синюю высь неподвижные каменные громады, облитые щедрым желтым солнцем. — Обрисую, значит, а ты начальственной своей мозгой уж пошурупай...
Последние слова неприятно резанули Хохлова, даже не сами слова, а тон, каким они были произнесены. Голос старика был холодный, насмешливый, почти издевательский. Но Иван Иванович смолчал.
— Прошлогод Панкрат особую бухгалтерию завел. Какая семья сколь картошки накопала, сколь тыквов с огороду сняла, морковки там, сколь кадушек огурцов да капусты насолила... Время прошлой осенью, помнишь, тяжелое было, непогодь много стояла. Огородишки-то Панкрат дал людям все ж таки убрать. И завел, значит, этот подсчет. Сена каждому дал накосить для скотины. И опять в свою тетрадку занес — кто сколь копешек поставил али стожков. А для чего?
— Интересная бухгалтерия, — вместо ответа неопределенно сказал Хохлов. — Ну и что же?
— Оно кому интерес, а для него забота... Сколь в каждой семье рабочих рук и сколь едоков, какая имеется скотинка, сколь курей, утей — Панкрат и без записи помнит. Он, зараза, все знает, даже у кого корова али коза сколько молока дает...
— Вот как!
— Эдак! — согласно кивнул Головлев. — А имея, значит, в сознании полную картину, и распоряжается. Кого лишний раз не отпустить с колхозного поля, а кому и дать денек-другой на огороде своем покопаться, как бы на общественной работе тяжело ни было. Кому подводу выделит, скажем, для подвозки дров, а кто и на себе, на ручной тележке привезти может.
— Да... Да, да, — размышляя о чем-то, уронил Хохлов.
— Что — да? Одобряешь, что ли? — напрямик спросил Головлев.
Иван Иванович поглядел на старика, улыбнулся.
— Не знаю, не знаю, Никифорыч... Шурупую вот... Ну и как люди к такой бухгалтерии относятся?
— Подчиняются люди без прекослова ему... Потому что знают: Панкрат ничего такого зря не скажет, напрасный поступок не произведет. Кто, может, и поворчит, не без того, а в душе-то согласный с председателевым указом... Потому народ и сытый, ежели без хлебушка сытым можно быть. Ведь все, все до зернышка мы сдали прошлогод в фонд обороны. Потому что тоже понятие имеем...
Старик умолк. Молчал и Хохлов. Безмолвие между ними установилось тяжелое, неловкое. Иван Иванович тер кулаком подбородок, а Головлев опять смотрел на гранитные утесы Звенигоры. Потом выдернул из земли вилы, попробовал их зачем-то на вес.
— А ты... с подозрением... От стыда-то куда деться, прости ты, господи...
И ушел куда-то за конюшню.

* * *

Панкрата Назарова Иван Иванович нашел возле колхозных амбаров. Он в грязном дождевике, с непокрытой головой (фуражку держал в руке) стоял у брички, на которую две молодые женщины грузили чем-то набитые мешки. Они вытаскивали их из черного проема амбарных дверей и легко забрасывали в повозку.
Обернувшись на звук шагов, Назаров чуть шевельнул спутанными, жесткими, как прошлогодняя стерня, бровями, прежде чем поздороваться, прошелся взглядом по Хохлову с головы до ног, будто неодобрительно оценил его наряд. И опять стал глядеть, как грузят мешки.
Женщины, обе чернявые, стройные и, несмотря на замызганные юбки и пыльные кофточки, очень привлекательные, были не местные, из эвакуированных. Одна была с косой, другая острижена коротко, не по-деревенски. Поздоровавшись с Хохловым, они почему-то глянули друг на друга, хохотнули, убежали в амбар и долго не появлялись.
— Спать там разлеглись? — прикрикнул Назаров.
Женщины тотчас появились, неся очередной мешок. Обе виновато глядели вниз, под ноги, губы их были крепко поджаты. Чувствовалось, обеим опять хочется рассмеяться.
— Кобылы, язви их... Все ржут и ржут, спасу нет, — проговорил Назаров, когда женщины опять скрылись в амбаре. — Кровь у них колобродит, ты не обижайся. Начнем сев — кровь-то утихомирится, поостынет.
— Ничего, ничего, — промолвил Хохлов.
Панкрат Назаров был так худ, что дальше, казалось, худеть и некуда. Некуда дальше было ему и чернеть: кожа на шее, на лице и даже на руках давно сделалась землистого цвета. Только когда его душил кашель, лицо наливалось сукровицей будто, неприятно багровело.
Припомнив, как багровеет при кашле лицо Назарова, Хохлов почувствовал раздражение к самому себе и вину перед этим человеком. «От стыда-то куда деться, прости ты, господи», — сами собой зазвенели в голове слова Головлева. «Это действительно, действительно... — подумал Хохлов. — Ударит же в голову...»
Опять женщины вынесли из амбара и забросили на бричку очередной мешок. Они были молоды, каждая была переполнена нерастраченной женской силой. А Панкрат Назаров стар, болен, жизненные соки из него уходили. Присутствие двух молодых женщин только подчеркивало страшный контраст между молодостью и старостью, бытием и смертью. И Иван Иванович Хохлов вдруг остро, до щемящей боли почувствовал ужасную и неумолимую жестокость жизни.
Голосом хрипловатым, надорванным многолетним кашлем, Назаров промолвил:
— Последние отходы замели. На мельницу отправляем.
— Покажите, — тоже хрипло сказал Хохлов.
Он потребовал это не потому, что в чем-то еще сомневался. Нет, Иван Иванович просто хотел посмотреть на эти зерновые отходы.
— Софья, Татьяна, развяжите.
Когда женщины развязали мешок, Иван Иванович сунул туда руку, взял горсть отходов. То была смесь семян самых разнообразных сорняков — овсюга, сурепки, мышиного горошка и щуплых ржаных зерен... Из этой-то смеси и получалась та серая, как

дорожная пыль, мука, из которой пекли прогорклый хлеб.

— Для посевной берег, — кивнул председатель колхоза на груженую бричку. — Мельница, слава богу, своя... Перед войной еще зачали строить на таежной речке. Не был у нас на мельнице-то?

— Нет...

— Загляни как-нибудь. Пруд там богатый получился, красивый. Покуда комарья нет — просто санаторий... Ну, все, что ли, сгрузили?

— Все,— сказала женщина с косами.

— Тогда с богом. Да глядите, там мосток в распадке расшатало нынче...

Женщины взобрались на бричку, поехали. Они сидели рядышком, подставляя солнцу спины и плечи, и было теперь в их фигурах что-то жалкое, сиротливое. Председатель колхоза и Хохлов провожали их взглядами, пока бричка не скрылась. А когда скрылась, Назаров проговорил:

— В колхозе есть еще четыре мешка гороховой муки. Тоже сберег на посевную. Смешаем с этим... — Назаров кивнул в сторону, где скрылась бричка. — И лепешки печь будем. Ничего... Айда к семенному амбару, глянем, что там...

Семенной амбар стоял прямо на току. Под навесом стучала веялка, две женщины крутили ее, а третья большой железной плицей засыпала пшеницу. В одной из крутильщиц Иван Иванович узнал Агату Савельеву, а зерно насыпала, легко сгибаясь и разгибаясь, жена Назарова, Екатерина Ефимовна. Лет ей было разве чуть поменьше, чем Панкрату, время так же избороздило ее шею, щеки, все лицо и не тронуло почему-то лишь глаза — удивительно ясные, свежие, как обмытые речной волной коричневые камешки. Среднего роста, худенькая, с покатыми плечами и все еще не опавшей грудью, она со стороны всегда сходила за молоденькую девушку, и лишь вблизи каждый убеждался, что это старуха.

Когда подошли Хохлов с Назаровым, Екатерина Ефимовна обшаривающим взглядом скользнула по мужу, но сказать ничего не сказала, только кивнула на приветствие Ивана Ивановича и отвернулась. Назаров же будто не заметил ни жены, ни Агаты — никого, присел перед горкой пшеницы, взял горсть зерна, долго пересыпал из ладони в ладонь, будто играл. Наконец тяжко разогнулся.

— Решили вот еще раз перевеять, отбить какие похудевшие за зиму зернышки. И сеять-то ее, пшеницу, в наших местах не надо бы. Да вот... Ладно, сотню-другую гектаров посеем... Айда в контору, что ль, для разговора.

Поднялся и пошел, насупившийся, сердитый, не обращая больше ни на кого внимания — ни на встречавшихся колхозников, ни на Ивана Ивановича.

* * *

В конторе Назаров сел за свой скрипучий стол, пригладил обеими ладонями торчавшие по вискам волосы, спросил:

— Громотуха, говорят, нынче пошла?

— Вскрылась под утро.

— Слава те, господи. Полая вода и память о зиме уносит. Как там, на фронте-то?

— Да что на фронте... — Хохлов присел на деревянный диванчик у окошка. — Идут бои под Новороссийском, было сегодня утром сообщение. Подвигаются наши к Крыму. А так, в общем, тихо. Не читаете разве газет, не слушаете радио?

— Читаем, как же... когда время есть,— усмехнулся Назаров. — Да только что сейчас грому ожидать? Это попозже начнется, в июне, может. Да и то к концу.

— Да? — с любопытством спросил Хохлов. — Именно в июне? Откуда же вы знаете?

— А чего тут знать? Война — это навроде нашей крестьянской страды, без поры да без подготовки не начнешь. Мы вон и то... Сам ты видел: последние отходы сегодня заскребли, чтоб какой ни на есть хлеб иметь для посевщиков. Все ресурсы свои, словом, кинули. А страна-то поболе, чем колхоз. Да после Сталинграда сообразоваться надо. Легко, что ли, он дался... Этот, Семка Савельев, сын Федора, там, говорят, воевал? — неожиданно спросил Назаров.— Анна хвасталась, орден какой-то ему дали.

— Медаль «За отвагу».

— Ишь ты, тихоня... — Назаров проговорил это еле слышно, спрятав под густыми бровями глаза. — Танком командует вроде бы?

— Механик-водитель он. Жена мне его говорила. Позавчера письмо от него получила.

— Энта... Наташка-то? Так ее, кажись, зовут? Что эвакуирована была?

— Да, да...

— Ага... Главное — что живой.

Голос старого председателя дрогнул, тугие, как из резины, губы затряслись, и Назаров прикрыл их, прижал ладонью. «Сына вспомнил», — подумал Иван Иванович и, подавив в себе вздох, опустил глаза.

О сыне Назарова, Максиме, до сих пор не было ни слуху ни духу.

Поднял голову Иван Иванович, когда председатель опять глуховато заговорил:

— Мы вот страду заканчиваем всегда на полном издыхе. Оглядишься кругом — боже ты мой, ить и люди, и скотина, и машины бездыханные изнемогли. Зато последний гектар убрали, последнюю лунку картошки выкопали. А тут только страх приходит: да как это сил еще хватило? А?

— Да, да, — встрепенулся Хохлов. — Я, собственно, очень хорошо это знаю...

— Нет, ты покуда не знаешь, — нахмурился Назаров. — Ты пока умом только можешь понять. А своей шкурой все это почувствуешь, когда страды три-четыре вот проведешь сам. Не обижайся уж...

— Что вы, что вы! Это вы правильно,— согласился Хохлов, действительно нисколько не чувствуя себя обиженным.

— Да, как еще сил хватило! — повторил Назаров. — Оглядишься — и тут же сразу видишь: там прореха, там вовсе дыра. Начинаешь латать... Так оно и в государстве. Не-ет, никак, я думаю, ранее чем к середке лета не собраться нам для такого же удара, как в Сталинграде. Надо и новые полки собрать, обучить и всякого вооружения накопить — и пушек, и самолетов, и танков этих, на которых Семка воюет. Подвезти все это к фронту — и то время надо. А ведь их надо еще и сделать... Значит, ты насчет прибавки нам плана хлебосдачи приехал?

Переход Назарова сделал такой неожиданный, что Иван Иванович вздрогнул.

— Да, собственно... — Он секунду, другую и третью глядел прямо в глаза председателю. И тот не отводил взгляда, лишь зеленоватые глаза его светились сухо, невесело, в них стояла какая-то боль. — Район никак, никак не выходит с планом, если вам... вашему колхозу не прибавить.

— Сколько решили прибавить?

— Многовато. Я понимаю, что многовато. Но что же делать? Шестьсот центнеров.

Ни на лице, ни в глазах Назарова не отразилось ничего, они поблескивали все так же холодновато, как блестят омытые утренней росой зеленые листья.

— Всем прибавляем, — вымолвил Хохлов, чувствуя, что этот аргумент звучит не убедительно.

— Я знаю, — спокойно произнес Назаров. — Мы сдадим эти добавочные шестьсот центнеров.

Иван Иванович ждал чего угодно, даже согласия на добавочный план. Не ожидал он лишь, что Назаров произнесет эти слова так буднично, просто и спокойно.

— Панкрат Григорьевич! — Хохлов невольно встал, шагнул к столу. — Да если ты это сделаешь... Эти добавочные шестьсот центнеров... Мы ведь понимаем в районе, какой у вас план! Если сделаешь, мы тебя... Я буду первый ставить вопрос о награждении тебя орденом!

Назаров слушал теперь угрюмо, будто теперь-то только и зашла речь об этих дополнительных сотнях центнеров хлеба, но не перебивал. Однако Хохлов, заметив эту угрюмость, и сам смолк.

— Это, Иван Иванович, не я сделаю, — проговорил Назаров. — Это люди сделают... Вон те бабенки, Татьяна с Софьей, которых ты видел. Те, что семена провеивают... которые сейчас на своих огородах копошатся. Они будут хлестаться сутками на посеве, на прополке, на жатве, питаясь лепешками из отходов да картошкой... Это им все ордена положены.

Иван Иванович Хохлов всегда чувствовал себя перед Назаровым скованно. Он называл его на «вы», как, впрочем, и всех других. Назаров обращался к нему всегда на «ты», и Иван Иванович считал это совершенно естественным. Но сейчас он ощутил себя перед этим старым, больным человеком особенно маленьким и беспомощным.

— Да, да, конечно! — воскликнул он, краснея от охватившего его смущения. — И их тоже представим! Будем требовать, чтобы колхоз целиком наградили!

— Ну, попробуйте, — усмехнулся Назаров, качнул головой. — А так-то ты человек, Иван Иванович, душевный.

* * *

Светлый апрельский день еще не кончился, но клонился уже к вечеру, когда Хохлов и Назаров вместе подошли к конюшне. Тот же Володька Савельев обоим запряг лошадей и, сделав свое дело, молча пошел прочь.

— Погоди-ка... — остановил его Иван Иванович. — А ты почему все еще здесь? Уроки у тебя есть на завтра? Или уже приготовил?

Парнишка опустил лохматую голову, стал глядеть на свои растоптанные, разбитые в прах сапоги.

— А я не учусь больше.

— Как же?

— Так... — пожал плечами Володька и ушел, по-прежнему глядя куда-то вниз.

Хохлов взглянул на председателя колхоза, тот, подбирая вожжи, скривил в угрюмой усмешке губы.

— До семилетки мать его дотянула... Я все удивлялся: двужильная, что ли, она? Прошлогод надо было в Шантару его отправлять — у нас тут семилетка всего только. Да на какие шиши?

Назаров тяжело постриг бровями и умолк.

— Я понимаю, понимаю, — вздохнул Хохлов.

— Оно все мы понимаем. Да в шкуре ее материнской никто не был... — Председатель сел на дрожки, тронул вожжи. Хохлов забрался в свой плетеный коробок и поехал следом.

На выезде из деревни, возле жердяной изгороди, за которой уныло торчала хилая избенка с прогнившей крышей, председатель натянул вожжи, прокричал:

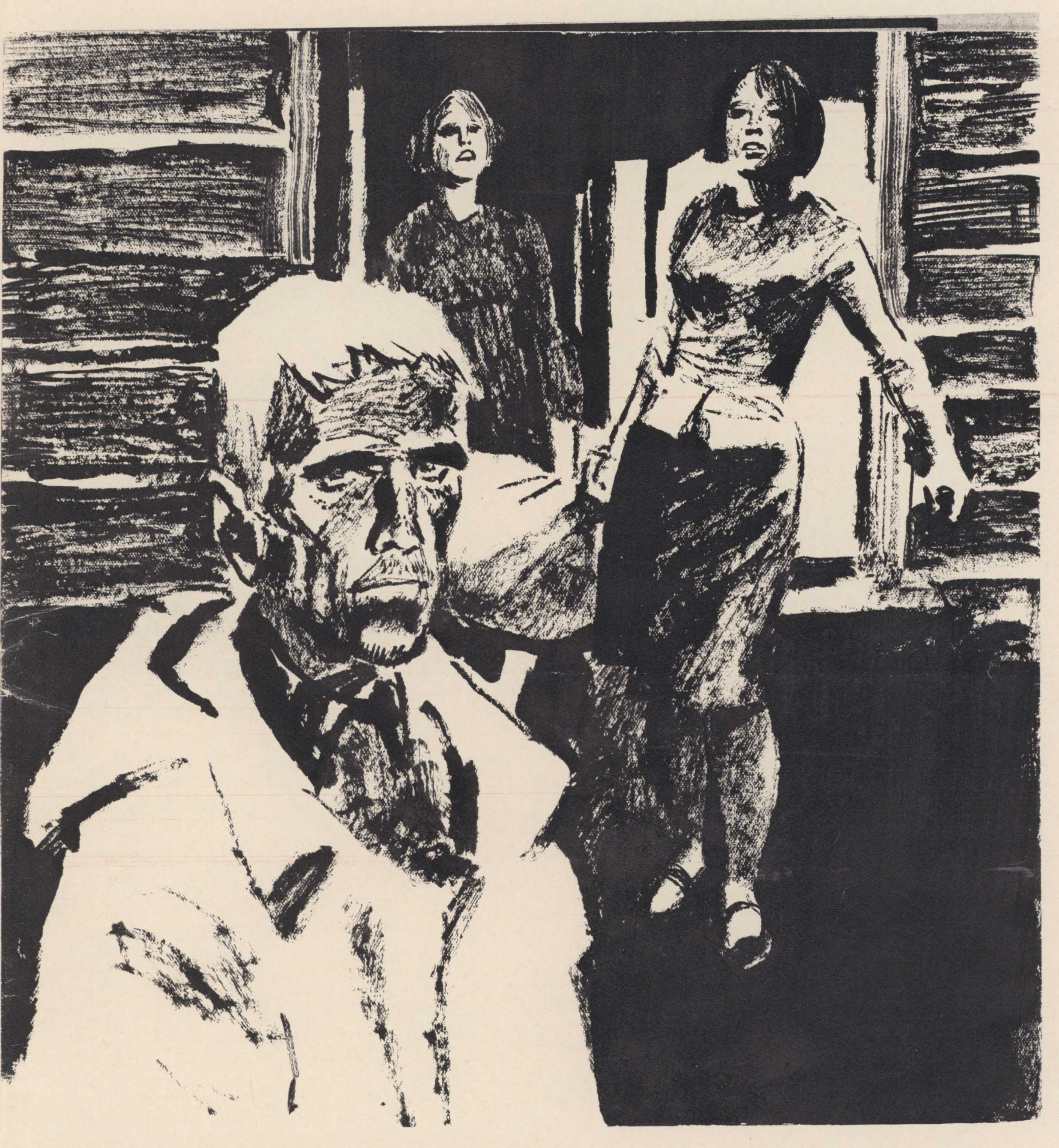
— Эй! Антонина! Будет прохлаждаться. Живо грузи свои шмутки и чтоб через час в бригаде. По дороге к речке подверни.

— Поняла, — ответил Назарову откуда-то женский голос. — Счас я, мигом.

Оставив у плетня свои дрожки, Панкрат догнал коробок Хохлова. С легкостью, которой Иван Иванович не ожидал от него, на ходу вскочил в коробок, пояснил:

— Повариха тут живет, Тонька. Сиротой с пяти лет так и взросла, горемыка. Я до свертка во вторую бригаду доеду с тобой...

Жидкий, еще не набравший пока запаха оттаявшей земли воздух заметно похолодал и стал, кажется, еще жиже. По высокому пустынному небу плыл огромный журавлиный клин, оглашая тихие, не проснувшиеся

еще поля тоскливым стоном. Другая журавлиная стая летела метрах в двухстах от дороги, по которой ехали молчком Хохлов и Назаров. Она спускалась все ниже, тяжелые птицы медленно и устало махали крыльями, заходящее солнце отсвечивало на их длинных, вытянутых назад ногах.

— Голод не тетка, — проговорил Назаров, наблюдая из-под насупленных бровей за спускающимися птицами. — Ишь, даже людей не боятся... Всю ночь кормиться будут.

— Чего они на этом поле найдут?

Старый председатель пожал плечами.

— Журавль, он... как китаец. Где зернышко, где червячок какой — и сыт... Нынче много журавля будет. Пострелять бы можно, да жалко.

— Для чего пострелять?

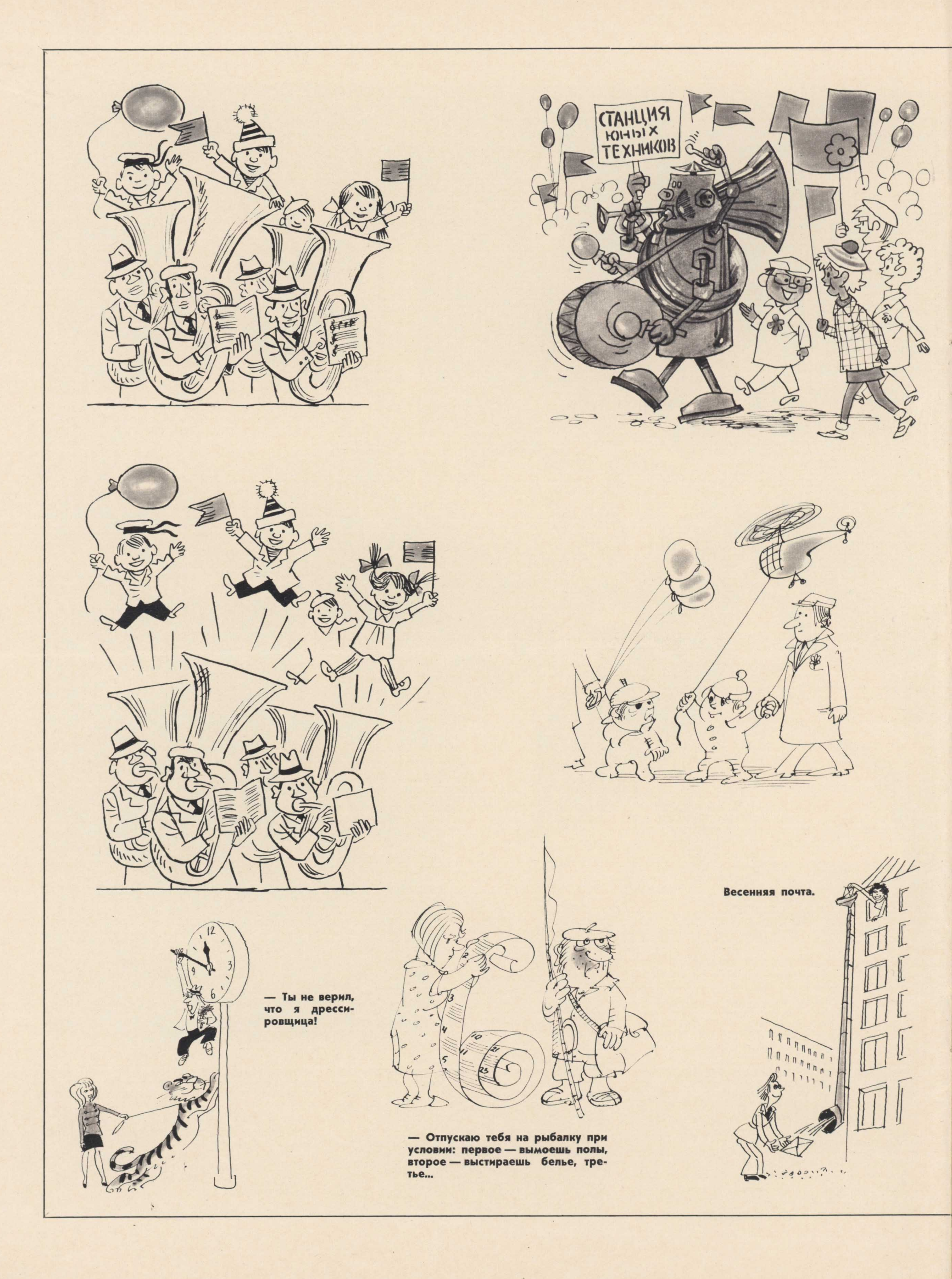
— Для чего, — усмехнулся Назаров. — В старину мужики говаривали: журавель — не каша, пища не наша. Раньше журавлятину цари жрали, князья да бояре всякие на своих пирах. Теперь и забыли, что птица эта съедобная. А я вот помню, да... жалко. И никому не говорю, а то найдется много стрельцов. А птица больно красивая и землю и небо украшает. Пущай живет.

Говоря это, Панкрат все ежился и ежился.

— Знобит? — спросил Хохлов, думая о поразивших его чем-то рассуждениях Назарова о журавлях.

— Ништо... Это для нас, чахоточников, весной обыкновенно. Токмо бы весну пересилить, а там уже, считай, до следующей землю топтать будем.

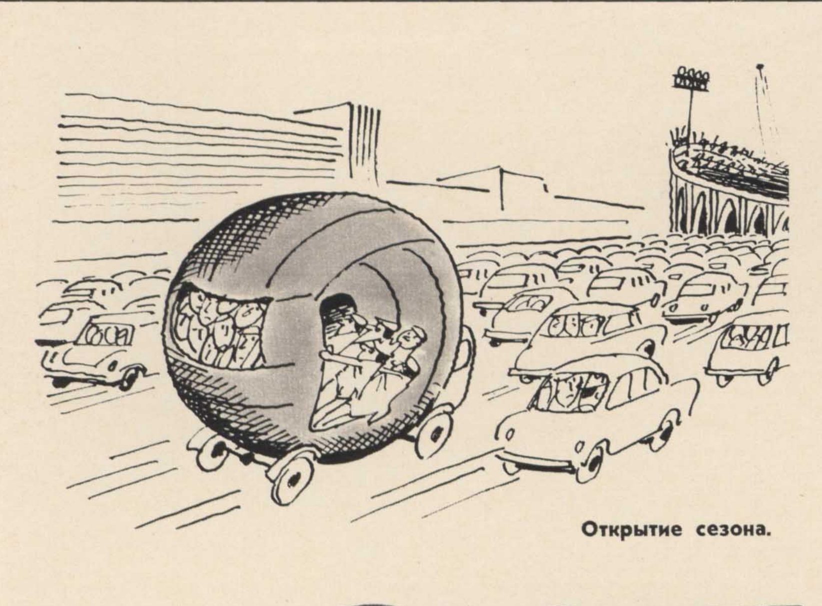
Продолжение следует.

— Ты не верил, что я дрессировщица!

— Отпускаю тебя на рыбалку при условии: первое — вымоешь полы, второе — выстираешь белье, третье...

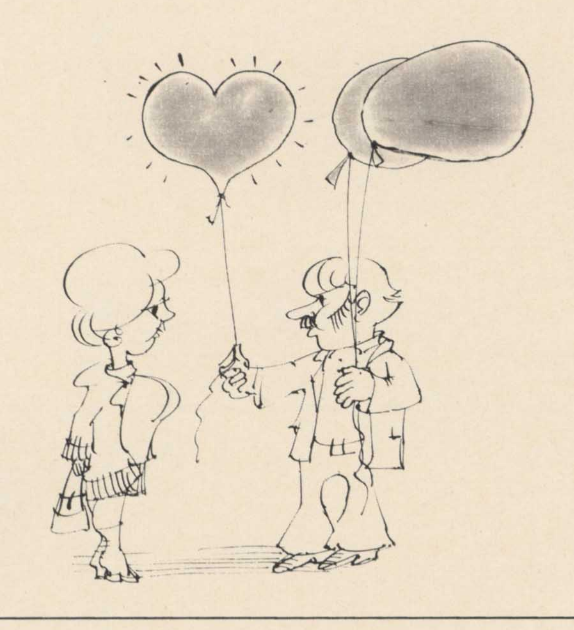
Весенняя почта.

Открытие сезона.

— Посмотри, дорогая, что там на щите написано...

Рисунки Б. Боссарта, Е. Ведерникова, В. Воеводина, Ю. Черепанова

Чемпионы мира и Европы — хоккеисты Чехословакии. Фото ТАСС.

ЧЕМПИОНЫ — ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ХОККЕИСТЫ

Закончилась долгая и трудная борьба восьми сильнейших хоккейных команд на чемпионате мира в польском городе Катовице. Победив в девяти встречах и сделав лишь одну ничью, забив 67 шайб и пропустив четырнадцать, чехословацкие хоккеисты завоевали мировое и европейское первенство.

Уже в течение многих лет судьба золотых медалей на чемпионатах мира и Европы по хоккею решается в споре двух команд — СССР и ЧССР. Не раз хоккеисты Чехословакии добивались крупных успехов, но игры столь высокого класса они давно уже не показывали. Не случайно традиционный журналистский референдум определил символическую сборную мира в таком составе: вратарь — И. Холечек; защитники М. Валтин, Ф. Поспишил; нападающие — В. Мартинец, М. Новы, В. Харламов. Таким образом, в символической сборной четверо из чехословацкой команды.

Советские хоккеисты на сей раз должны были довольствоваться серебряными медалями в мировом первенстве и бронзовыми в европейском.

В. ДВОРЦОВ,
корреспондент ТАСС
Специально для журнала «Огонек»

ВАХШСКИЕ ПЕРСИКИ

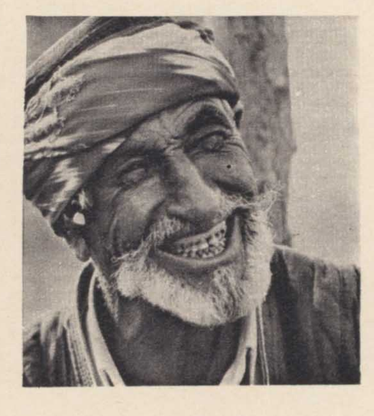
Абды-Джабар Хусаинов встретил нас в самом центре Гаравутинского поливного массива у входа в дирекцию совхоза имени XXIII съезда КПСС. На отрогах Гаравутинского хребта еще белел запоздалый снег, а здесь, в долине, было жарко. Мы пошли за Абды-Джабаром-акой по бетонированной площадке, мимо пруда, мимо просторного здания совхозной конторы, в сад.

— Жаль, что вы не увидите, как цветут наши розы,— сказал он.— Весна нынче медленная и неровная. А среднеазиатский сад без роз — это еще не совсем сад.

Зато мы увидели, как цветут в саду вахшские персики, слаще которых нет нигде на свете. Сад был юным и нежным. Невысокие деревца напоминали балерин в белых и розовых пачках.

— Теперь я уже привык к ним,— сказал садовник,— а первое цветение на сон было похоже. Я приехал сюда десять лет назад, и были здесь болота, пустыни да пастбища. Люди не жили тут. Что из того, что Вахш рядом, он тогда по каменистым руслам растекался и усыхал, а здесь дышать было нельзя: пекло! Люди жили выше, в горах, где прохладно. А горы и есть горы, каждая пядь земли на учете. О каких розах и садах можно было мечтать! Теперь в каменных домах поселились люди. И в садах нет недостатка.

...Когда Хусаинову было 19 лет, стал он коммунистом и с оружием в руках отстаивал право на новую жизнь. Трижды ранили его басмачи. Но он выжил и еще долго не снимал военной формы, потому что молодая республика нуждалась в защите.

— Теперь я стал садовником, как мой отец и мой дед. Только в их садах было по два-три дерева, а у меня сад-великан. Вода пришла на мертвую землю и воскресила ее. Много плодородных деревьев вырастет здесь, много будет хлопка, винограда, а у людей много счастья. А у меня есть еще один «сад» — пять дочерей, пять сыновей и 19 внуков...

Н. ХРАБРОВА

Таджикистан.

на весенней орбите

Фото М. Шахбазяна.

СТО МУЗЫКАНТОВ

Нынешней весной в горном селе Бжни, Разданского района, состоялся необычный концерт. Односельчане, собравшиеся отметить 80-летие старейшего чабана Левона Хачатряна, стали свидетелями концерта ста музыкантов, носящих одну и ту же фамилию: все они, Хачатряны, из одной семьи. По сигналу юбиляра его восьмилетний внук Самвел взял в руки традиционную пастушью свирель и завел старинную народную песню «Оровел». Мелодию подхватил старший брат, и вот уже она, как эстафета, пошла «по кругу» национальных инструментов: зурна, дудук, доол... Когда пришел черед отца Самвела, Хачика, — наступила пауза. Его дудук нарушил традиционное представление о возможностях этого инструмента: прозвучала музыкальная фраза алябьевского «Соловья».

Очень многих из рода Хачатрянов — животноводов, полеводов, механизаторов, учителей, агрономов — объединяет любовь к музыке. Дед Левон обучал своих сыновей и внуков игре на зурне и дудуке. Хачатряны — участники всех республиканских олимпиад самодеятельного искусства.

— Из нашей семьи вышло немало профессиональных музыкантов,— говорит Хачик Хачатрян. — Мой брат Сергей — гобоист ансамбля песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова, сын Рубен — гитарист.

Сам Хачик Хачатрян — солист ансамбля народных инструментов Армянского телевидения. Бережно хранит он небольшую камышовую свирель, которая напоминает ему о военных годах.

...Наши войска оставляли Керчь. Последней должна была уйти группа бойцов и среди них — солдат Хачик Хачатрян.

— Ночью мы вернемся за вами,— сказали воинам их боевые друзья.— Ты, Хачик, посигналишь нам.

Бойцы, двигаясь по пояс в воде, скрылись в камышах. Но тут случилось непредвиденное: пропал дудук, который когда-то подарил Хачику его дед. Однако солдат не растерялся и смастерил из камыша дудочку.

Сигнал был подан, и лодка точно вышла, ориентируясь на соловьиные трели...

А. САВОЯН

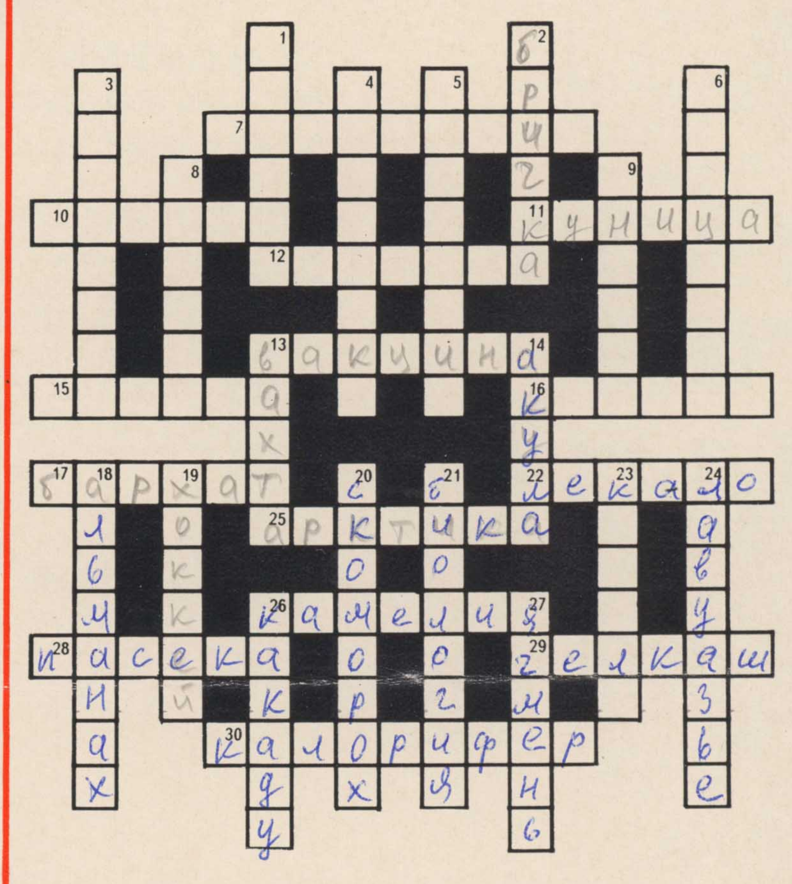
Ереван.

на весенней орбите

КРОССВОРД

По горизонтали:
7. Русский живописец. 10. Оркестровая пьеса Равеля. 11. Хищное млекопитающее рода лисиц. 12. Река в Северной Америке. 13. Бактерийный препарат. 15. Повесть В. Я. Шишкова. 16. Областной центр в РСФСР. 17. Шелковая ткань с ворсом. 22. Фигурная линейка. 25. Северная область Земли. 26. Цветок. 28. Пчеловодное хозяйство. 29. Рассказ М. Горького. 30. Прибор для нагревания воздуха.

По вертикали:
1. Штат в США. 2. Легкая дорожная коляска. 3. Вид местности с высоты. 4. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 5. Ягода. 6. Незамкнутая кривая. 8. Малая планета. 9. Работник театра. 13. Дежурство на корабле. 14. Морская рыба. 18. Сборник литературных произведений. 19. Спортивная игра. 20. Странствующий актер в Древней Руси. 21. Наука о жизни, о живой природе. 23. Столица Руанды. 24. Французский химик XVIII века. 26. Попугай. 27. Хлебный злак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Розетка. 7. Мокко. 8. Ливий. 10. «Гроза». 12. «Марица». 14. Босфор. 15. Пурга. 16. Давлури. 17. Янтра. 18. Октод. 20. Тактика. 22. Санин. 23. Домбра. 24. Азурит. 25. Денеб. 27. Осака. 28. «Узник». 29. Эрмитаж.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пролог. 2. Вакула. 3. Чернотал. 4. Флорида. 6. «Одиссея». 9. Багратион. 11. Гортензия. 13. Авдотка. 14. Бригада. 19. Дебюсси. 21. Технеций. 22. Ступица. 25. «Даурия». 26. Булава.

На первой и последней обложках: Тюльпаны. Фото Дм. Бальтерманца

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/IV — 1976 г. А 00656. Подп. к печ. 27/IV — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1236. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2067.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В фондовой оранжерее — словно в настоящих джунглях.

ГЛАВНЫЙ САД СТРАНЫ

Марк БАРИНОВ
Фото Г. РОЗОВА

Тюльпаны, розы, гвоздики, нарциссы... Цветы, цветы, цветы населяют длинные, светлые стеклянные дома. Здесь свой климат, своя череда времен года, а вернее, здесь всегда лето. Если бы был на самом деле райский сад, в нем вот так росли бы вечно прекрасные цветы.

В царстве цвета и аромата приходят мысли, которые обычно не навещают нас в суматохе и ритме нашего сегодня, мысли о том, как много значат цветы...

Даже как-то не хочется рассказывать о специфических проблемах, стоящих перед цветоводами, создавшими это чудо, хотя среди них есть такие, например, как успешное сотрудничество с голландскими цветоводами по «выгонке» тюльпанов в зимнее время. Тут, среди царственно-великолепных тюльпанов «Лондон», «Парад», «Оксфорд», «Мариэтта», «Блек Пиррот», среди изумительных желтых с красной каймой гвоздик, среди великолепных роз, умолкаешь почтительно и изумленно.

...Прохожу по коридору и оказываюсь в густом тропическом лесу. Теплый влажный воздух, необычные формы растительной жизни вокруг производят необыкновенное впечатление. Осматриваюсь внимательнее — мы на легкой металлической площадке. По ажурной лестнице спускаемся к подножию этих удивительных деревьев и кустарников.

— Готовимся к зиме! — говорит заведующий отделом тропической флоры доктор биологических наук Сергей Евгеньевич Коровин.

— Как это, почему? Весной — к зиме?

— Потому что у нас ведь южное полушарие,— улыбается Сергей Евгеньевич,— все наоборот, Москва готовится к лету, а здесь в разгаре осень.

Раскрывается новая дверь, перед нами новый стеклянный зал, залитый красным морем азалий. Они сейчас в полном цвету. А когда я увидел мир кактусов, то понял, что никогда ни один самый изощренный фантаст-литератор или художник не сможет и близко подойти к тому невероятному буйству форм, к тому гениальному размаху, с которым природа предлагает свои произведения на любой вкус и цвет...

Но пора назвать имя и адрес этой страны чудес, где, словно в сказке, тропические леса Южной Америки, сухие африканские саванны, знойные пустыни Мексики, муссонные леса Юго-Восточной Азии и экзотические цветы всех континентов собраны вместе. Это Главный ботанический сад Академии наук СССР.

Что такое Главный ботанический сад?

Научно-исследовательский институт Академии наук? Да.

Центр по изучению и выращиванию лучших образцов растений? Да.

Живой музей природы, который принимает в свои зеленые залы тысячи и тысячи экскурсантов? Да, да.

Мощный инструмент пропаганды бережного отношения к природе? Да, конечно! И в первую очередь.

— Фондовая оранжерея отдела тропических растений Главного ботанического сада Академии наук СССР,— говорит Сергей Евгеньевич Коровин,— построена в 1954 году. Площадь ее — 5 тысяч квадратных метров. В коллекции — около 5 тысяч видов и форм растений. Нам, ботаникам, такие коллекции необходимы. И им тоже — Коровин указал на экскурсантов,— люди должны знать, как прекрасен и разнообразен растительный мир планеты. «Близость к природе смягчает нравы»,— сказал мудрец. Мировая флора включает около трехсот тысяч видов высших растений, но за всю историю человечества было освоено меньше одного процента. И в каждом растении,— он широким жестом обвел оранжерею,— бездна тайн и богатств.

Мы идем дальше по фондовой оранжерее отдела тропических растений. Сергей Евгеньевич показывает мне пальму, подаренную Фиделем Кастро. Останавливаемся еще у одной пальмы в скромной зеленой кадке.

— Эта пальма из кабинета Владимира Ильича Ленина. Мы берем ее на время, для...— Он запнулся, подыскивая слово.

— Для отдыха, как в санаторий! — догадываюсь я.

— Совершенно верно,— подхватывает мой спутник...

Если любовь к земле и растениям являются определяющими, то ботанический сад прежде всего самое настоящее сельскохозяйственное угодье. Его сотрудники начинают работу совсем не по-учрежденческому, а с рассветом. И потому здесь у всех — и у маститого академика и молодого кандидата наук — одинаково крепкие руки, одинаково загорелые лица сельских жителей.

Агроном Светлана Воробьева.

Больше сорока лет трудится академик Николай Васильевич Цицин, директор Главного ботанического сада, над созданием пшенично-пырейных гибридов, ищет пути отдаленной гибридизации.

О работах академика Цицина я читал еще мальчишкой в школе. Многолетняя, устойчивая против заболеваний, дочь культурного злака и сорняка — вот плод его многолетнего труда. Сорняки — чрезвычайно интересные растения, они обладают невероятной жизнестойкостью. А пырей, кроме того, является, ну как бы это сказать, десятиюродным братом пшеницы.

Азалии.

Мощные ксеноновые лампы позволяют получать по четыре урожая гладиолусов в год.

И сегодня опять я вижу отчеты об экспериментах, о сотых, тысячных, десятитысячных экспериментах.

«А результат?» — спросит читатель.

— Созданные Н. В. Цициным многолетняя и зернокормовая пшеницы являются совершенно новыми видами, ранее не существовавшими в природе. На основе метода отдаленной гибридизации Н. В. Цициным с сотрудниками создано 17 сортов озимых и яровых пшенично-пырейных гибридов, из которых 6 районированы и 6 проходят государственные испытания,— говорит ученый секретарь ботанического сада кандидат сельскохозяйственных наук Зиновий Евгеньевич Кузьмин.

Знакомясь с работами Героя Социалистического Труда академика Н. В. Цицина, я начинаю понимать все значение его подвига. Подвига всей его жизни. «Отдаленная гибридизация»: одним только этим термином он бросил вызов традиционной классической селекции, которая на том и основана, что скрещивает близких родственников. Цицин взялся объединить растения, которые лишь внешне «смахивают» друг на друга, но характерами своими резко противоположны. И в этом он видит залог нового могучего взлета жизненных сил, создание невиданного в природе, нужного человеку растения.

Академик Цицин идет очень трудным, невероятно сложным путем. На его пути много препятствий, но есть несомненные большие победы. И есть еще одно важное обстоятельство. В науке говорят: ценность ученого определяется числом его учеников. У Цицина ученики всюду, где колосится хлеб...

Традиции, фонды, династии русских ботаников уходят в глубокую старину, в двухсотпятидесятилетнюю давность, к тем годам, когда в нашей стране появился первый ботанический сад. Наш Главный неразрывно связан и с изумительным Полярно-альпийским ботаническим садом Кольского филиала АН СССР (в 120 километрах севернее Полярного круга!), и с высокогорным Памирским ботаническим садом в Хороге, и с десятками республиканских ботанических садов, да и не только с ними. Еще с миллионами людей всех возрастов, которые беззаветно любят прекрасную и разнообразную природу нашей Родины, нашей планеты.

Так выводят новые сорта растений.

Экскурсовод Антонина Ордабьевская с юными ботаниками из московской школы № 296.

Розы.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663